

BBC

ДОКТОР КТО

ДУГЛАС АДАМС

ДОКТОР КТО ПРОТИВ
КРИККИТЯН

ДЖЕЙМС ГОСС

Дуглас Ноэль Адамс
Джеймс Госс
Доктор Кто против Криккитян
Серия «Доктор Кто»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43474115

Доктор Кто. День Доктора: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-111985-0

Аннотация

Миллионы лет назад жители планеты Криккит узнали, что они не одни во Вселенной. Этот факт настолько неприятно их поразил, что они незамедлительно объявили войну на уничтожение всех остальных форм жизни. После долгого и кровавого противостояния Повелители Времени заточили криккитов в тюрьме, освободиться из которой можно было лишь при помощи ключа-калитки...

Пообещав своей спутнице грядущий конец Вселенной, Доктор привел Роману... на крикетный матч. Естественно, она была разочарована. Но в самый разгар церемонии награждения на поле появились одиннадцать фигур в белых костюмах и остроконечных шлемах. Вооруженные битами пришельцы открыли огонь смертоносными световыми шарами по кричащей

толпе. Криккитяне, боевые андроиды с планеты Криккит, вернулись.

И теперь только Доктор и Романа могут спасти вселенную от уничтожения...

Содержание

Предисловие Дугласа Адамса	6
Часть первая	10
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	67
Глава 7	82
Глава 8	93
Глава 9	107
Глава 10	115
Глава 11	121
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Джеймс Госс, Дуглас Адамс

Доктор Кто. День Доктора

Copyright © The Completely Unexpected Productions Limited

This novelisation copyright © James Goss 2018

BBC, DOCTORWHO and TARDIS (word marks, logos and devices) are trademarks of the British Broadcasting Corporation and are used under licence.

Doctor Who is a BBC Wales production for BBC One.

Executive producers: Steven Moffat and Brian Minchin

© Г. Шокин, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие Дугласа Адамса

Там, где нет логики, нет и шанса удивиться или повеселиться.

Из презентации для фильма «Крикитцы»

Пункт первый: научная фантастика в фильмах

Очень тонкий вопрос, зависит во многом от чувства такта. Экранная научная фантастика ведаёт множество провалов – лишь потому, что концептуально все равно остается так или иначе привязанной к планете Земля и паразитирует на видении будущего в духе «1984». Очевиднейшие примеры – «Бегство Логана», «Зеленый сойлент»¹, и так далее.

А все это потому, что среднестатистический зритель, не читающий фантастику, возможно, воспринимает сам жанр как набор мрачных экстраполяций на тему «все мы медленно, но верно катимся к тоталитаризму».

Вердикт: скука смертная. Даже я, фанат научной фантастики, на это кино не ходил.

¹ Фильмы-антиутопии 1976 и 1973 года соответственно, снятые по романам Уильяма Нолана «Логан» и Гарри Гаррисона «Подвиньтесь! Подвиньтесь!». Представляют пессимистический взгляд на будущее человечества, затрагивают вопросы перенаселения и пост-ядерного морального и физического вырождения. – *Здесь и далее примечания переводчика (в тех случаях, где не оговорено авторство примечания).*

Пункт второй. Космическая программа «Союз-Аполлон»

Замечательное мероприятие, выбившее почву из-под ног «космических опер» старого образца, где, по сути, всем было наплевать на то, что есть космос и каким образом по нему вообще путешествовать.

Научная фантастика не должна игнорировать уже имеющиеся у нас знания. Всегда можно нафантазировать черт знает что, но я считаю, что в самой структуре своей фантастика должна быть логична. В этом и кроется изрядная доля ее прелести – основываясь на чем-то уже известном и более-менее проверенном, создавать абсолютно необыкновенные, но в то же время весьма логичные сюжеты.

Например, в современной научной фантастике не должно быть кораблей, что движутся быстрее скорости света, ибо следует брать в расчет дедушку Эйнштейна. Однако теории о гиперпространстве, позволяющем совершать мгновенные сверхдальние перелеты, вполне допустимы. Другими словами, с нашим насущным научным знанием можно спорить – без проблем; но вот забивать на него явно не следует.

Взять те же самые черные дыры – замечательная область для фантастики, но фантаст, что собирается писать о них, должен предварительно ознакомиться с тем, что о черных дырах говорят ученые, иначе у него выйдет не *научная* фантастика.

Фанаты научной фантастики – это люди, верящие в чудо, но это отнюдь не значит, что их можно считать за наивных

глупцов. При этом я несколько не выступаю против «Доктора Кто», творчества Гарри Гаррисона и других замечательных образцов приключенческой фантастики, где буйство яркой фантазии правит бал – но прошу заметить: вся их прелесть в том, что они четко следуют выработанной внутренней логике.

Все лучшие образцы сюрреалистической комедии, фантастики, шпионского триллера, да чего угодно, придерживаются строгой внутренней логики. Там, где нет логики, нет и шанса удивиться или повеселиться.

Пункт третий. Проблемы и пути их решения

Найти свое, уникальное решение в рамках собственно-ручно выстроенной логической картины – вот что требует большого умения! Фильмы о Джеймсе Бонде во многом отлично иллюстрируют эту способность, и если мы хотим снимать хорошие полнометражки по «Доктору Кто», нам следует кое-чему поучиться у возмутительной структурированности «бондианы».

Полагаю, именно поэтому альтернативы термину «научная фантастика» – такие, как «космическая опера» или «космическое фэнтези», – я всегда воспринимал с недоверием; зачастую ими оправдывалось отсутствие внятных логических конструкций.

Дуглас Адамс. Из первой презентации для фильма

² Дату я поставил, исходя из собственных догадок – упомянутые Адамсом кассовые фильмы вышли в период 1973–1976 гг. И вот еще какой факт указывает на верность моих предположений – им ни разу не были упомянуты вышедшие в 1977-м «Звездные войны». – *Примечание Джеймса Госса.*

Часть первая

Эггерс, ради всего святого, остановись! Он выбил четверку прямо над головой у уикет-кипера³, и уже метил на девятку!

Барри Джонстон, 1991

Что такое «Кубок Пепла»?⁴

1) То, что выиграла Англия;

2) То, что желает Австралия;

3) То, чем стала прабабушка.

Наклейка на фургоне, 2016

³ Уикет-кипер (*англ.* wicket-keeper, дословно «сторож калитки») – полевой игрок в крикете.

⁴ «Кубок Пепла» – неофициальное название награды за победу в крикетном турнире между Австралией и Англией в 2009-м году. Произошло после выхода статьи в одной из австралийских газет, где утверждалось, что команда Австралии настолько сильнее, что британцам остается только «сжечь все свои калитки и преподнести пепел австралийцам в знак поражения». Несмотря на такую самоуверенность со стороны Австралии, победа в турнире осталась все же за англичанами.

Глава 1

Увлекательная и очень значимая галактическая история. Не пролистывайте этот фрагмент!

Перед тем, как начало свой ход само Время, произошло много всего такого, о чем и говорить-то сейчас непросто.

Эта история началась чуть позже сего знаменательного события. Имела место она в этой Галактике, той самой, которую мы столь хорошо знаем и любим: с миллионом солнц, множеством планет странных, но прекрасных, зловещими лунами, метеорами, кометами, газовыми и пылевыми скоплениями, а также обилием холода и темноты.

Но, будучи ограничена лишь Галактикой, история прогрелась на всю Вселенную.

На всякий случай помните – Галактика лишь одна из множества миллионов. Хотя нет, забудьте. Ходить с таким осознанием в голове – должно быть, та еще морока.

С момента зарождения Галактики не одна цивилизация пережила расцвет и упадок, а за ними – еще один расцвет и упадок, и еще, и еще, и еще. Вообще, все эти расцветы и упадки происходили так часто, что можно подумать, будто жизнь в Галактике – это:

1) что-то вроде качки на море, только тут качаются целые

миры, эпохи и все такое;

и

2) что-то глупое.

Если уж смотреть в самый корень проблемы, просто осознать, что словосочетание «жизнь в Галактике» само по себе бессмысленно, так как притязает на охват миллиардов отдельных коротких жизней, которым, в угоду какому-то жестокому замыслу, предписано не учиться на ошибках друг друга.

Вот вам самый простой житейский пример.

Рассмотрим улицу. Несмотря на холод, улица прямо-таки кипит жизнью. Находится она в городе под названием «Нью-Йорк» на планете, о которой едва ли кто-нибудь хоть раз слышал.

Идет по этой улице мужчина, смотрит на звезды и думает, как же их там, наверху, много. Ситуация сугубо штатная. То, что случится с ним, происходило и раньше с другими, и еще много с кем произойдет. Он минует строительную площадку, где на месте одного чрезвычайно высокого здания, снесенного, возводят другое, тоже чрезвычайно высокое (не требуйте объяснений – запутаетесь еще больше). Когда он проходит мимо, маленький инструмент падает с высоких строительных лесов, коими окружено здание, и основательно втемяшивается мужчине в макушку. Сухой остаток инцидента таков, что жизнь мужчины – со всеми воспоминаниями, любовью, трудными победами, поучительными поражениями,

наградами и разочарованиями – вдруг обрывается. Последнее, что мужчина видит перед тем, как гаснет его личный свет – это тканевая растяжка на строительных лесах, которая гласит: «Приносим извинения за временные неудобства».

Через дорогу за инцидентом наблюдает женщина – подруга мужчины. Не сделав ни малейшего вывода из увиденного, не поняв, что Вселенная вообще и Нью-Йорк в частности – место опасное, она бежит с мыслью помочь ему (хотя помочь уже нечем) и сама погибает под колесами желтого такси, водитель коего никогда и ни за что извиняться не будет. Он просто очутился в том самом месте в то самое время, потому что безнадежно заплутал в одном из самых якобы рационально выстроенных городов планеты, о которой едва ли кто-нибудь хоть раз слышал. Впрочем, не будем особо вдаваться в местечковые проблемы.

Эта история – о проблеме несравнимо бóльшей, но она причудливым образом затрагивает эту вроде бы безопасную планету. И прелюбопытнейшим образом – попутно выстраивая объяснение, почему же означенную планету никто не любит.

В ходе рассмотрения нашей большой проблемы будет упомянуто немало ошибок. И первая, наихудшая из них, произошла еще во времена расцвета самой первой сверхцивилизации, что зарождались и гибли в данной галактике. Вот она, эта ошибка – уверенность в том, что любую проблему можно решить при помощи картофеля.

Некогда существовала раса так называемых аловиан – раса безрассудно агрессивная. Аловиане сражались с врагами (то есть, со всеми, кто был не из их числа), и междуусобиц у них тоже хватало. Хорошим способом сладить с аловианином считалось запереть его в комнате наедине с собой, потому как рано или поздно он начинал сражаться против себя.

Как только уровень того, что им нравилось называть цивилизацией, вырос, то, в интересах выживаемости, лучшие умы аловиан начали искать пути сброса и сублимации природной агрессии. С каждой их войной сопутствующий ущерб рос не хуже грибов после дождя – и в один прекрасный момент аловиане лицом к лицу столкнулись с угрозой тотального самоистребления. Исторически принято считать, что, доверши они до конца это дело, было бы только лучше.

Но, так или иначе, аловиане, узрев невеселую перспективу, издали новый закон. И закон этот постановил, что всякий, кому по работе полагается носить оружие (полисмен, охранник, школьный учитель), обязан проводить не менее сорока минут в день, избивая мешок с картофелем, дабы снизить уровень агрессии. (Что интересно – не они одни дошли до такого решения: одно время вся галактика полагала, что картофель пригоден лишь для околачивания, пока кто-то не изобрел фритюрницу). Какое-то время «картофельный» вариант мира во всем мире работал хорошо, но потом аловиане решили, что эффективнее и быстрее будет просто расстреливать несчастные мешки. Волна свежего интереса ко

всему, из чего можно палить, захлестнула их общество, и впереди замаячила волнующая перспектива очередной войны – первой крупной за много лет.

Что ж, опустим в нашей хронологии век-другой. За это время аловиане сделали страшную межзвездную силу, разорвавшей все, до чего дотягивались руки, и стрелявшей по всему, до чего не дотягивались. Остальным жителям галактики это, понятное дело, не нравилось, и аловиане решили, что в интересах самозащиты нуждаются в очень особом оружии – *абсолютном*.

Итак, что же делает абсолютное оружие абсолютным?

Чтобы ответить на этот вопрос, был построен суперкомпьютер.

Тот нашелся с ответом быстро – но ответ ошеломил всех.

У того компьютера даже имя было – Хактар. Он был размещен на большой и темной луне, вращавшейся вокруг планеты Аловия. По сути, другого такого мыслителя во всем обозримом космосе было не сыскать. Особый органический дизайн по типу естественного мозга, где каждая клеточная частица несла в себе образец целого, даровал Хактару умение оперировать образами и абстракциями.

Отвечая на вопрос об абсолютном оружии, Хактар сказал, что его выдумка может преждевременно уничтожить Вселенную. По этому поводу аловиане закатали целую тьму вечеринок, уличных празднований, гуляний и диковатых карнавалов.

Они разослали по всей галактике весть о том, что они, аловиане, способны отныне уничтожить хоть всю Вселенную, и если у кого-то все еще есть к ним претензии – что ж, они будут рады услышать их.

Дабы добавить перчинки в свой ультиматум, они описали, как работает абсолютное оружие, разработанное для них Хактаром. Из себя оно представляло очень-очень мелкую бомбочку. По факту, это был простой гиперпространственный скремблер, при активации соединявший ядра всех крупных солнц одновременно. Подобное действие сделало бы из Вселенной одну гигантскую сверхновую.

Вот так работало Абсолютное Оружие. Вот только на практике все оказалось чуть-чуть сложнее.

Пальцы аловиан, то и дело тянувшиеся к бомбе, чертовски зудели, и в конце концов кто-то где-то в галактике сказал или сделал что-то такое, что их не на шутку взбесило. Вот и не осталось других альтернатив – пришла пора уничтожать Вселенную. Сказав себе что-то вроде «какой смысл вешать на стену ружье, если оно никогда не выстрелит», аловиане активировали бомбу.

Та зашипела угрожающе... и развалилась. Видимо, тот, кто придумал ее, не очень-то и старался.

На мгновение самым громким шумом, который можно было услышать где-либо во Вселенной, был шум компьютера, прочищающего горло.

А после Хактар держал речь.

Хактар сказал, что долго думал над вопросом абсолютно-го оружия и пришел к тому, что стоило все-таки внести в конструкцию столь ужасной штуки маленький недостаток. Но при трезвом размышлении и индюку понятно, что так даже лучше...

Больше он ничего сказать не успел – шквал аловианских ракет поразил его прямо в ключевые синапсы, и в считанные мгновения самый большой компьютер в обозримом космосе превратился в радиоактивную пыль.

А еще через несколько часов пришел конец и самим аловианцам – галактика смогла спокойно вздохнуть.

Как же так вышло? О, это интересная и поучительная история очередной ошибки. К слову, на ней еще никто толком не поучился.

В качестве сугубо разумной и практической меры аловиане окружили свою планету эскадрой термоядерного оружия – безопасность превыше всего, когда воюешь со всеми подряд. Эскадра гордо именовалась Парасолью и затмевала своими объемами аловианское солнце, но это не имело значения – на планете было в достатке энергостанций, дававших и тепло, и свет. Ситуация рациональная и контролируемая – любой аловианин мог бы за завтраком объяснить вам, почему все сделано именно так и никак иначе, не отрываясь от чтения утренней газеты.

Само собой, Парасоль держалась достойно и не пропустила бы сквозь свой заслон даже воздушный шарик (впрочем,

откуда в космосе взяться таковому?). Собственно, с нее и послан был тот шквал ракет, стерший Хактара в порошок. Не учтены были только два фактора – обилие космического мусора, образовавшегося после взрыва целой луны, а также разрушительная взрывная волна... развернувшая все термоядерное орбитальное изобилие в обратную сторону. То есть, на Аловию.

Подобная перемена курса не могла не сказаться отрицательно. На радарх системы вдруг возник незнамо откуда явно угрожающего вида объект размером не с какой-то там шарик, а с целую планету. Компьютеры запаниковали – и отдали приказ на тотальное уничтожение неизвестного противника.

Вот такая вот история. Кстати, в конце концов мы узнаем, что многое из того, что вы только что прочитали, не соответствует истине. И если вы думаете, что потратили время своих жизней впустую, читая сей поучительный сказ, значит, вы не сможете учиться на собственных ошибках.

А теперь – обратимся же в будущее, минуя многие миллионы лет.

Глава 2

Сэндвичи и негодование

Романа была потрясена – еще до того, как появились роботы-убийцы.

– Ты привел меня на матч по крикету?

– Тише. – Доктор украдкой огляделся и надвинул поля шляпы на лицо. Он протянул своей спутнице разведенный чай в стаканчике из пенопласта.

Романа была Повелительницей Времени с планеты Галлифрей из великого созвездия Кастерборус. Путешествуя с Доктором, она собрала заново Ключ Времени⁵, насолила Давросу⁶ и одолела Нимона⁷. После всех этих злоключений она могла смело сказать, что видела все, но имея дело с Доктором, нужно быть всегда готовым к сюрпризам – не всегда приятным.

– Матч по крикету? – повторила она, желая убедиться, что не ослышалась.

Доктор и Романа зарекомендовали себя как стремитель-

⁵ Ключ Времени – разделенный на шесть частей артефакт, сохраняющий баланс сил во Вселенной. Отдельный сезон, посвященный ему, был показан в эпоху Четвертого Доктора с 1978 по 1979 годы.

⁶ Даврос – один из врагов Доктора Кто, военный ученый, создавший печально известную расу далеков.

⁷ Нимон – монстр из эпизода «Рога Нимона» (1980).

ные странники по четвертому (и не столь стремительные – по пятому) измерению. Романа воспитывалась в Академии Повелителей Времени, что непременно сделало бы ее академически строгой и августейше невозмутимой, не попади она в свое время в синюю будку и не возмись за спасение тех уголков Вселенной, где разворачивалась какая-нибудь очередная беда. Одним из лучших ее друзей стал пес-робот. Не такой жизни она ждала, но наслаждаться судьбой сполна несоответствие ожиданиям нисколько не мешало... до сегодняшнего дня.

– Матч. По. Крикету.

– Ну да. – Доктор надвинул шляпу еще ниже и вжался в свое сиденье.

А ведь все так хорошо начиналось! Доктор пообещал, что вот-вот грянет очередной конец света, на что Романа, любившая такие экстремальные деньки, отреагировала с вящим энтузиазмом. И что теперь? Они торчат на Лордс-Крикет-Граунд⁸. Кругом – сплошь банкиры откормленного вида, потчевавшие друг друга корпоративным радушием. На местах пониже – целое море мужчин средних лет, явно рассчитывающих на солнечный удар. Изредка показывался какой-нибудь человек-монумент при регалиях полковника – само собой, сердитого вида, с кроссвордом от «Таймс» и термосом, в котором могло быть все, что угодно – от чая до

⁸ Популярный лондонский стадион для крикета. Назван в честь основателя Томаса Лорда.

джина или даже супа. В общем, Роману окружала своеобразная выборка из человеческой цивилизации – пусть и очень узкая, но весьма показательная.

Стоило отдать должное Доктору – места им достались хорошие. Великолепный вид на газон – благообразную полоску травы, вокруг которой выплясывали разбитые на две команды мужчины в безупречно белых комбинезонах, похожие на рыцарей-модников, что пошили себе исподнее дорогой нитью. Порой кто-нибудь из игроков бросался красным маленьким мячиком в другого. Порой они задорно поднимали мячик в воздух на какой-то доске, порой – не поднимали. Аплодисментами иной раз встречали такую ситуацию, когда по мнению Романы вообще ничего не происходило. Словом, крикет был вполне типичным английским изобретением – названо «спорт», а смотрится так, будто учитель начальной школы пытается объяснить детям, что такое вечность.

– Мне кажется, – пожаловалась она вслух, – что они и сами не вполне понимают, что и зачем делают.

– Мне тоже, – скорбно качнул головой Доктор.

Романа не удивилась такому ответу. Экипаж Доктора мирно дрейфовал меж времен, пространств и планет. Снаружи он выглядел как маленькая синяя коробочка, очутившаяся в неподходящей для нее среде; внутри являл собой галерею белых комнат, напоминавших больничные палаты, выкупленные каким-то безумным антикваром под склад. Изобилие проблем, связанных с ТАРДИС, венчалось одной,

поистине серьезной – доктор взаправду не знал толком, как с ней управляться. На некоторых элементах ее внутренней машинерии просто висели листики-напоминалки, на которых на скорую руку Доктор набросал свои лучшие предположения касательно их роли.

Сегодняшний переполох, собственно, и начался с того, что Романа разглядывала рычаг, подписанный как «ручной тормоз?» – и тут Доктор вошел в комнату, снова весь из себя неопределенный. Сложно было суммировать чувства, которые он порой вызывал – с одинаковым успехом этот тип мог взбесить или очаровать вас, озадачить или пролить свет на то, о чем вы ранее не догадывались. Но что в нем Романа нравилось больше всего – так это то, что его глаза всегда улыбались.

– Романа, Вселенной вот-вот наступит конец! – оповестил Доктор. – Думаю, самое время принарядиться.

Обычно Романа любила наряжаться. Машина времени Доктора, как и, пожалуй, он сам, не могла похвастать внутренней логикой и удобством, но в ней, по крайней мере, умещался неплохой и довольно-таки разнообразный гардероб.

Выудив из кармана пару галстуков, доктор зашагал к ней. – Вот что стоит надеть, – торжественно заявил он. – Я почитал о тех временах...

Уши К-9 настороженно дернулись.

Романа немного понаблюдала со стороны, как Доктор пытается завязать себе галстук – а потом, когда зрелище ей на-

скучило, аккуратно сделала это за него. Она заметила на его обороте вышитую дарственную надпись «Выпускник-отличник Женского Колледжа Кулинарии» и поспешно глянула на тот, что Доктор выбрал для нее – обычная полоска ткани, разве что с пляшущими мультяшными пингвинами. Не в ее вкусе, ну да ладно.

– Зачем нам галстуки? – уточнила подозрительно Романа. – Куда мы направляемся?

– Ну... – Доктор принял виноватый вид, и то был дурной знак. Но по ТАРДИС уже прокатился рев сигнала, объявляющего посадку, и дверь распахнулась. – Давай пойдем, и ты сама все поймешь.

Накренившись, как подвыпившая матрона, ТАРДИС выбросила их в толпу фанатов крикета. Их вид и неожиданное появление сразу посеяли тревогу и возмущение – главным образом, из-за вида Доктора.

Порой он смотрелся абсолютным победителем, и тогда гигантские зеленые слизни смущенно устремляли взгляд сотни глаз в пол, девятая Сонтаранская боевая бригада всем составом клялась ему в верности, а Краалы бормотали что-то насчет благодарственных писем на Рождество. Но порой Доктор казался абсолютным безумцем – как, например, сейчас. Собравшиеся мужчины шарахались от его пальто, темных брюк, жилета и шарфа длинной с анаконду, не обращая никакого внимания на гордо повязанный галстук – хоть он и показывал на него всем встречным и поперечным, как

на какой-нибудь религиозный тотем. На путешественников во времени мрачно воззрелась компания молодых людей в спортивных куртках.

– Шуты гороховые, – произнес кто-то громко.

– Позорище! – язвительно добавил другой.

Романа не понимала, что происходит. Куда это они попали? Обычно, заподозрив в них что-то неладное, их просто запирали где-нибудь, допрашивали или грозились опустить вниз головой в чан с какой-нибудь ярко-зеленой едкой дрянью. А презрительные выкрики – это что-то новенькое.

Столкнувшись с целой шеренгой престарелых джентльменов в твиде, Доктор словил мощную волну неодобрения среднего возраста, показав старичкам какую-то скомканную бумажку.

– Я – Доктор, – самодовольно объявил он. – А это – Романа, моя спутница. Мы из Мельбурнского Крикетного Клуба.

Романа, вместе с солидной долей молодых людей в спортивных куртках, сощурила глаза, стараясь разобрать надпись на непонятном документе. Удивительно, но бумажка сработала – им неохотно предоставили доступ к местным удобствам: протекающему чайнику и фуршетным сэндвичам с рыбным паштетом.

– Где мы? – прошипела Романа, выбрасывая сэндвич в горшок с чахлым цветком. – Это ведь Англия, не так ли? С чего это все тут такие нервные?

– Генетическая память. – Доктор отпил из чайной чашки и

поморщился. – Чувствуют тут все одно и то же – злость, стыд и нетерпимость к чужакам. Чувствуют – и понятия не имеют даже, почему! – Вместе они вышли на террасу, и только тогда Романа поняла, где находится.

– Ты обещал мне конец света, а притащил на матч по крикету?

– Любой истинный англичанин сказал бы тебе, что это одно и то же, – попробовал отшутиться Доктор, но Романа не унималась:

– Да как ты мог? – Она терпела его привязанность к этой планете, иногда ей тут даже нравилось, но всегда должен быть предел. Крикетные матчи – вот где следовало провести непреложный Рубикон.

Они заняли свои места. На их глазах маленький красный мяч свистнул в воздухе, и игроки всполошились. Аплодисменты прокатились по толпе зрителей. Романа вздрогнула от неожиданности.

– Странно, – вслух размышлял Доктор. – Все тут, вроде бы, такое безобидное.

– Безобидное? Ну-ну. – Романа хмыкнула, когда два игрока пожали друг другу руки.

– Я всегда хотел выяснить, почему подобное могло случиться, – выдал Доктор очень серьезным голосом. Если он хотел придать словам вес, то мог сделать это в два счета – и речь его становилась похожей на рокот далекой, но сильной грозы.

Романа оглядела безоблачное небо, яркое солнце и зеленую траву, и безотчетно поежилась.

– Они кажутся такими невинными, не так ли? – Доктор прищурился. – Нет, ты только глянь на них. На них на все. Такие... – его губы искривились, – *увлеченные*.

Мужчина на поле вдарил битой по мячу. Тот улетел вдаль. Плеск аплодисментов тут был, похоже, в порядке вещей.

– Странная игра, вот что я тебе скажу. – Романа поерзала на своем сиденье. Увидь ее кто-нибудь сейчас, ее шансы стать президентом Галлифрея (если таковые еще оставались) истаяли бы навсегда. – Если это такая шутка, то юмора в ней – ни на грамм.

Жуя сэндвич, Доктор уткнулся в брошюрку.

– Похоже, сегодня последний день кубка Пепла, – сказал он, и несколько человек на ближайших сиденьях уставились на него, как на упавшего с Луны. Что, в целом, было не так уж и далеко от истины. – Для крикета это очень большая новость. Знаешь, каждые десять лет или около того...

– Каждые четыре года! – Мужчина из ряда впереди обернулся и гневно стрельнул в Доктора глазами.

– Не имеет значения, – отмахнулся Доктор, и цвет лица мужчины сразу же сделался в тон его бордовому пальто. – Так вот, Англия и Австралия проводят серию крикетных матчей. По итогам победитель забирает выигрышный кубок.

– Трофей! – огрызнулся зритель впереди.

– Спасибо, я понял, – довольным котом улыбнулся Док-

тор. – Может, конечно, я что-то перепутал. Может, это просто игра. – Сомнение проступило на его лице. – Может, это вообще и не конец света.

Романа закатила глаза. По всей Вселенной набралось бы больше дюжины рас, что сочли бы игру в крикет за хорошее оправдание уничтожения Земли. Впрочем, в закрытых сообществах – коим Вселенная, по сути, являлась, – всегда так: дай только повод сжить со свету, а уж средства найдутся.

Матч знай себе продолжался. Толпа, в отличие от путешественников во времени, ликовала. Учитывая количество аплодисментов и количество людей, кричащих «Давай, Англия!» действие становилось довольно-таки захватывающим. А слово «захватывающий» – примененное в отношении крикетного матча, – тот еще моветон. *Как может что-то столь ужасное быть столь неприлично скучным?* – подумала Романа.

Она взглянула на табло и, нахмурившись, различила счет. – Думаю, это последний раунд, – сказала она, довольно отмечая, как вздрагивает тот зритель впереди них. – А Англии нужно три очка, чтобы победить. Доволен? Будь добр, скажи, что мы можем вернуться домой.

– Домой? – горько усмехнулся Доктор.

Внизу, на поле, белые силуэты игроков задвигались с несколько бо́льшим, чем ранее, напряжением. Кто-то бросил мяч. Кто-то ударил по нему битой.

На мгновение повисла вселенская тишина. Мяч плавно

дрейфовал в воздухе – все выше, и выше, и выше. А потом весь стадион выдохнул.

– Шесть очков! – закричали в восторге зрители, констатируя и без того очевидное.

Оцепенение спало с рядов зрителей. Аплодисменты стали неистовыми, болельщики свистели и хлопали друг друга по спинам, как будто ничего веселее в их жизни не было.

– Ну, похоже, англичане выиграли, – рискнула проронить Романа.

– Никто никогда не выигрывает в крикет, – вздохнул доктор.

Романа посмотрела на небо. Сгущались тучи.

– Как раз вовремя, – сказала она, ежась. – Кажется, дождь собирается.

– Не просто дождь, кое-что похуже. – Сегодня Доктор говорил сплошь загадками.

Романа слегка похлопала его по плечу.

– Расслабься. Вдруг все в порядке?

– Знаешь, – Доктор отвернулся, – не люблю я такие слова...

И вдруг он исчез.

Глава 3

Инцидент международного масштаба

Романа моргнула. Когда Доктор вот так вот исчезает, добра не жди.

Порой Доктор исчезал громко, с обнадеживающим вскриком, когда проваливался куда-нибудь. Порой – с шипением и фырчанием, когда лучевой передатчик материи или иной действующий сходным образом агрегат похищал его.

А иногда Доктор пропадал бесшумно – и это было хуже всего. Это значило, что он просто вдруг взял и исчез.

– Вот надо же было именно на матче по крикету пропасть, – устало протянула она.

Романа оглянулась, проверяя, нет ли поблизости ТАРДИС – вдруг Доктор вскочил в нее и снова намерен вмешаться в ход истории (чтобы потом спешно заштоповывать его как было прямо по живому). Затем бросила взгляд на террасу, пытаясь разглядеть его среди зрителей. Но и там его не было.

И тогда она додумалась посмотреть на поле.

– О, нет...

Матч закончился, толпа наконец-то проявила свою сдержанно-дикую натуру, и тут-то Доктор и отреагировал, рванувшись вниз ошалевшим мамонтом и заставив остальных в ложе заподозрить в нем австралийского болельщика.

На поле готовилась церемония вручения Кубка Пепла –

проводившаяся таким вот образом впервые и явно нацеленная на телевидение. Кубок вот-вот должны были передать капитану англичан. Телевизионные компании об этом еще не знали, но аппаратура была при них.

И тут на поле запрыгнул Доктор – как Моисей, спускающийся с горы в приподнятом настроении, потому что Бог сказал: «Дружище, Заповедей пока не завезли, но как насчет благотворительного обеда на следующей неделе?»

Решительным шагом Доктор направился к капитану англичан.

– Прошу прощения, вы отвечаете за крикет?

Группа игроков на поле во все глаза уставилась на Доктора.

В интересах торжества на поле выволокли небольшую трибуну. Вперед выступил председатель, весь лучащийся от полированных медалек на груди. Рядом с ним крутился судья в щеголеватом пальто. Две команды готовились пожать друг другу руки и махнуть в паб.

Но Доктор сорвал их планы, вскочив на трибуну и возопив:

– Люди Земли, я приветствую вас!

– Шут гороховый! – крикнул кто-то.

Председатель поискал глазами охрану, а потом вспомнил, что находится на матче по крикету, где охрана испокон веку была не нужна.

– Обещаю, что отниму у вас считанные секунды. Я де-

лаю это на благо галактики, а может быть, и всей Вселенной со сложными взаимоотношениями пространства-времени, – продолжал Доктор.

– Позорище! – вылетело из толпы болельщиков.

– Попрошу вас, я не позорище, – возмутился Доктор. – На мне надет галстук! Кто-то может мне рассказать, что здесь происходит?

Капитан команды австралийцев побледнел от такого пренебрежения.

– Ну, приятель... – начал он, а потом остановился, не зная, с чего начать.

– Продолжайте, – ободряюще кивнул Доктор.

Капитан поднял небольшой серебряный кубок.

– Вторая команда победила, я сейчас вручу им приз.

– Очаровательно! И что это за приз?

Над полем повисла ошеломленная пауза.

– Ну, – снова растерялся австралийский капитан, – это и есть Кубок Пепла.

– Чего тут непонятного-то, – пробормотал кто-то в толпе.

– Да, но *что* этот кубок такое? – не унимался Доктор. –

Что у него внутри?

– Эм... пепел, – сказал капитан.

– Да чей пепел-то? – Доктор явно терял терпение.

– Хм, – смутился капитан.

– Выскажите предположение, – поощрил его Доктор.

– Ну...

– Так, ладно. – Доктор оглядел собравшиеся кругом команды. – Кто-нибудь из вас мне скажет, чей в кубке пепел?

Со всех сторон посыпались предположения:

– Проигранной калитки⁹?

– Волнистого попугайчика?

– Души крикета?

Оглядев их, Доктор кивнул.

– М-да, кажется, никто из вас никогда не интересовался.

Что, ни разу?

Игроки смотрели на него в молчаливом недоумении.

– Да бросьте! Даже поздно ночью, когда никто не видит?

– Крышка приварена, – смущенно пробормотал кто-то.

– Хотите сказать, – продолжил Доктор, – что уж сколько лет пасуете этот трофей то в одну сторону, то в другую – и никто из вас даже не знает, что внутри?

Игроки стали смущенно разглядывать травку под ногами.

– Это, уж извините, попросту ни к чему! – прошипел судья.

– Ну что ж, – хмыкнул Доктор, – у меня есть предложение. Так как вы не знаете, что именно находится внутри кубка, могу ли я поинтересоваться – не одолжите ли вы его мне на время? Ненадолго, обещаю. – Он улыбнулся самой своей очаровательной улыбкой.

⁹ В крикете калитка вполне может быть разрушена (в таких случаях говорят – «проиграть калитку»). Порой особо «несчастливые» калитки, разрушающиеся чаще остальных, команда ритуально сжигает.

– На рентген? – слабо заикнулся кто-то.

– Можно и на рентген. – Доктор пожал плечами. – Этот пепел очень важен. – Судя по всему, впервые за все время он сказал что-то, что пришлось слушателям по душе. – О да, я не шучу! Этот пепел – пожалуй, единственная положительная сторона крикета. – Доктор поморщился. – Более того, – медленно, с расстановкой молвил он, – он весьма и весьма важен для будущего Вселенной.

Даже для бывалых игроков в крикет заявление оказалось слишком уж крутым. Сразу же воцарилась неразбериха из недоумения, негодования и всех прочих эмоций, на какие англичане горазды. Австралийская же команда попросту закатила глаза.

– Ладно, – примирительно поднял руки в воздух Доктор. – Постараюсь действовать так быстро, как только смогу, без шуток. Дайте-ка сюда...

Ко всеобщему удивлению, капитан австралийцев вручил ему кубок. Доктор принял его с превеликой осторожностью, будто то был кусок урановой руды.

– Как вы смеете, сэр? – задохнулся от возмущения судья. Он с нетерпением выжидал сегодняшнего дня, и нате вам – все пошло наперекосяк.

– О, поверьте мне, – задушевно промурлыкал Доктор, – я бы не стал вмешиваться вот так вот беспардонно, но... – тут его голос упал на добрую октаву, – когда я был ребенком, мне рассказывали о них. Кошмарные типы! Мне говорили,

что если я буду вести себя не так, как подобает, они придут и заберут меня...

– Прошу прощения! – Судья был столь же сбит с толку, сколь и разгневан. – Вы что, имеете в виду австралийцев?

– Нет. – Доктор указал на небо. – Думаю, сейчас произойдет кое-что ужасное.

Его словам мало кто внял. Посреди торжественной церемонии на поле выбежал этот чудак (в безвкусном галстуке!), отнял Кубок Пепла и принялся всем угрожать – что может быть ужаснее? Поэтому вскоре Доктору пришлось давать веские разъяснения по вопросу парочке краснолицых разгневанных мужчин – те схватили кубок и попытались вырвать трофей из рук Доктора.

– Поверьте мне! – кричал он, отбиваясь и уклоняясь от оплеух. – Я и хотел бы отдать вам эту штуку, но не могу!

И тут Доктор услышал худший звук во Вселенной.

Публика на Лордс-Крикет-Граунд стала *освистывать* его, усугубляя все хлопками ладош – до жути издевательскими.

– О Господи, – вздохнул Доктор.

Он был даже рад тому, когда роботы-убийцы наконец-то прибыли.

Глава 4

Наконец-то роботы-убийцы

На самом деле, в глубине души, англичане без ума от чудиков. Особенно таких, что срывают крикетные матчи. Но толпе явно чего-то не хватало. Возможно, Доктору стоило раздеться догола и прыгнуть через калитку – вот это было бы достойно удивления.

Несколько человек, обсуждавших, что же будет дальше, запомнили дальнейший ход событий по-разному, каждый – что-то одно.

Кто-то запомнил, как миленький крикетный павильончик вдруг нарисовался будто бы из воздуха и замер в нескольких дюймах над полем, будто не желая приминать траву.

Кто-то – как одиннадцать фигур в безупречно-белой крикетной форме выбрались из этого самого павильона и промаршировали к подиуму. Безупречность тут и впрямь не шла ни в какие ворота: даже биты у этих типов были начищены до слепящего блеска, что уж там говорить о шлемах и всем остальном.

Почти все запомнили убийства, хоть и говорили об этом нехотя.

Беда грянула не сразу. Странные гости выждали момент, когда все заметят их, когда всем в толпе станет ясно – тут что-то нечисто. Да, они вышагивали идеальным строем, их

униформа и снаряжение были бесподобны – вот только под униформой и снаряжением ничего не было. Странные игроки являли собой отлитые из блестящего белого металла формы, марширующие в унисон.

Какой-то смельчак-комментатор жизнерадостно сообщил в мегафон:

– Что ж, похоже, сборная нечистой силы с опозданием прибыла на наш турнир!

По толпе прокатился смех. Кто-то явно принял объявление за очередную глупую рекламу (пожалуй, эти легковверные никогда не сталкивались вживую с рекламщиками, и потому не знали, что те либо тычут вам в лицо коробками с начиненными до летальных показателей сахаром хлопьями, либо опорожняют грузовики с полистиролом в реки). Кто-то даже счел, что выходка проплачена крупным австралийским концерном, производящим маргарин.

И лишь немногие заволновались. Закричали так и во все единицы, позже твердившие, что хотели предупредить остальных – им сразу бросилась в глаза неестественность этих марширующих безликих форм.

Пожалуй, в одном все позже сошлись – даже австралийские маргариновые концерны не стали бы учинять такой мрак.

Одиннадцать фигур собрались у постамента, выстроившись в идеальную белеющую шеренгу. И застыли, выжидая чего-то.

Обычно в таких случаях Доктор в экстренном порядке брал командование ситуацией на себя. Если ему что-то и нравилось по-настоящему, то – управлять чем-то. Но сейчас он почему-то застыл столбом, разинув рот.

Пришлось капитану английской команды выступить вперед и обратиться к гостям. Он с детства привык к всеобщему вниманию и потому имел врожденную способность развязывать разговор с кем угодно, пусть даже и против желания:

– Здравствуйте, могу ли я вам чем-то помочь?

Фигуры ему не ответили. Но капитан не растерялся:

– Вы, наверное, издалека? Как вам наши английские дороги?

Фигурам, похоже, было наплевать на английские дороги. Что-то в их молчаливости прямо-таки лезло в душу и шипело, заставляя умолкнуть и всех остальных.

Тут даже капитан английской команды почувствовал себя неуютно.

Теперь уже весь стадион во все глаза смотрел на новоприбывших.

А новоприбывшие ни на кого не смотрели. У них и глаз-то не было. Просто белые шлемы с жутковатой темнотой внутри, иногда проблескивающей чем-то зловеще-алым.

Одна из фигур воздела белую руку в перчатке и указала на кубок.

– Давайте я отдам его им, – тихо сказал доктор. – Скорее же.

Капитан австралийцев усмехнулся.

– Ну-ну, – сказал он с той довольной самоуверенностью, что толкала весь остальной мир обыграть Австралию в любой командной игре. – Все это, конечно, дико впечатляет, но они-то этот кубок не заслужили, разве не так? – За словами последовал новый смешок.

Увы, его бравада пролетела мимо ушей – коих и не было, – странных гостей.

– Да вы посмотрите на их биты! – шикнул на него Доктор.

При желании вы можете достаточно много узнать о конструкции крикетных бит – достаточно открыть энциклопедию, обратиться к трудовику со стажем или к тому самому занудному парню на вечеринке. Кратко о главном: хорошая бита для крикета вырезается из ивняка, уход за ней осуществляется с помощью льняного масла.

Никому в здравом уме не придет в голову делать крикетную биту из хирургической стали, да еще и затачивать края до остроты меча.

– Ну-ну, – повторил капитан австралийцев, подбоченясь. – Делу время, потехе – час, ребятки. Пошутили – и хватит, да? – И он показушно расхохотался – так, будто голову потерял.

Увы, мгновения спустя он ее взаправду потерял.

Кажется, именно обезглавливание австралийского капитана четко донесло до всех на стадионе, что гости явились не поговорить о чем-нибудь отвлеченном, вроде английских

дорог или австралийского маргарина (и их качества, раз уж на то пошло), и даже не поесть дармовых сэндвичей. В угоду какой-то зловещей причуде прибыли они за Кубком Пепла – и, как и большинство роботов-убийц, к цели они шли со смертельно опасным рвением.

В темноте пустых шлемов что-то зажглось. Что-то темно-красное и сердитое.

В считанные секунды стадион захлестнули пламя, дым и шум. Что поразило тех, кто угодил в сей кошмар – натыкающихся друг на друга, задыхающихся и почти ослепших, – так это то, что одиннадцать пришельцев, судя по всему, играли в крикет – прямо посреди дыма, шума и пламени. Впрочем, то было лишь первое – и довольно-таки ошибочное, – впечатление, ибо «игра» на деле сеяла вокруг «игроков» еще больше хаоса и разрушения. Каждый отлетевший от металлических бит мячик, поражая цель, взрывался и кого-нибудь убивал.

Игроки – те, что еще уцелели, – разбегались по сторонам, освобождая кошмарным захватчикам дорогу. Роботы-убийцы воздели биты – и с их концов сорвались вдруг шары губительного огня, полетевшие прямо в кричащую толпу.

Один из самых прелестных звуков, известных не тугому на ухо англичанину: «чпок» от соприкосновения крикетных мяча и биты. Сразу навеивает мысли о лете, тенистых ивах, чашечках чая с сиропом и джентльменстве. Но в тот день для посетителей стадиона звук сей отпечатался в памяти как предвестник гибели. Ряды сидений рушились, трава горела,

на головы людям сыпались ни много ни мало бомбы, замаскированные под безобидные мячи.

И лишь один человек стоял спокойно. Лишь одного это все будто бы не касалось. То был Доктор, все еще оцепенело сжимавший в руках Кубок Пепла.

Расчистив к нему путь огнем и мячом (да-да, именно мячом, а не мечом), роботы-убийцы замерли перед ним. Их главарь указал на трофей. Остальной десяткой угрожающе взмахнул битами.

Доктор даже не вздрогнул. Казалось, он превратился в статую.

Биты нацелились на него, готовые дать залп.

И вдруг воздух за спиной Доктора пошел волнами. По крикетному полю пронеслась уже знакомая сирена ТАРДИС.

Машина времени приземлилась прямо перед ним, завалившись на бок. Одиннадцать бит разом замахнулись в ее сторону – и встретили какое-то невидимое препятствие. Дверь ТАРДИС распахнулась, и голова Романы показалась наружу.

– Романа, – прошептал Доктор, – почему ТАРДИС на боку?

– Генерирует баррикаду, – нетерпеливо откликнулась спутница. – Забирайтесь уже. Я pošлю К-9 со всем разобраться.

– Не в этот раз, – произнес Доктор.

Романа удивленно выгнула бровь. Обычно Доктора не особо волновала судьба пса – даже если того грозили сжечь, разобрать на запчасти или замкнуть. К-9 тоже о подобной ерунде не особо пекся – ему нравилось, когда его чинили.

– Но... – начала было она. – Почему бы и не...

И тут одна из белых фигур, каким-то образом миновав баррикаду, запрыгнула прямо на крышу синей полицейской будки.

– Ох, – всполошилась Романа, уставившись на незваного гостя.

Робот, смерив ее взглядом в ответ, слегка кивнул. Полоса алого сияния в недрах его шлема растянулась и выгнулась дугой, будто пародируя улыбку. Вырвав кубок из пальцев Доктора, робот, с битой под мышкой, вернулся к своим товарищам, и вместе те чеканным шагом проследовали к своему павильону, продолжая изредка палить по сторонам – просто так, судя по всему, добавочной остротки ради.

Один из белых роботов подкинул последний мяч – и отбил его прямехонько в тент с чайными столиками. Тент ожидаемо взорвался. Удовлетворившись результатом, робот залез в павильон – и тот растаял в воздухе.

Некоторое время Доктор просто стоял, не двигаясь. Вокруг него вповалку лежали тела лучших игроков в крикет в мире. На трибунах царил хаос, воздух дрожал от криков, наполняясь запахом горелой травы.

Романа выбралась из ТАРДИС и протянула Доктору руку.

Вместе они смотрели на творящийся кошмар.

– Они все-таки вернулись, – вымолвил Доктор.

Романа нервно кивнула.

– Но это... какой-то абсурд, жестокая чушь!

– Увы, нет, – вздохнул Доктор. – Мы только что стали свидетелями одного из самых наглых на моей памяти преступлений.

– Это что, взаправду были Криккитцы? – шепотом уточнила Романа.

– Думаю, да, – ответил Доктор. – Меня в детстве пугали рассказами о них.

– Меня тоже, – кивнула Романа, гадая, почему воспитание Повелителей Времени во многом выстраивалось на запугивании маленьких детей.

– До этого дня, – губы Доктора все еще плохо слушались – кажется, он не до конца вышел из наведенного на него ступора, – я их ни разу не видел живьем. Не до конца даже верил в них.

– Утверждалось, что их уничтожили еще два миллиона лет назад, – тон ее голоса был рассерженный, будто она уже строчила недовольное письмо кому-то, кто был в ответе за дезинформацию. – Как же так вышло? Вот ты скажи мне, как?

Чудом уцелевший судья, спотыкаясь, брел им навстречу сквозь огонь и разруху. Он каким-то образом одновременно покраснел от гнева и побледнел от страха, что само по

себе было довольно-таки примечательно.

– Что... – начал было он.

– Тихо, – предупредила Романа.

– Но постойте! Что только что произошло?

Романа с Доктором обменялись взглядами и пожали плечами.

– Но почему, – не унимался судья, – эти монстры были одеты игроками в крикет? Я хочу сказать... это ведь какой-то бред!

– Удивительно, но я согласен с вами, – молвил Доктор и вздохнул.

Глава 5

Возмутительное ограбление парикмахерских

Попыток написать путеводитель по Галлифрею доселе не предпринималось – честно говоря, из-за того, что на самом деле мало кто горел желанием Галлифрей посетить. Уйма воинственных рас, перебирая щупальцами, подумывала захватить его, но, согласитесь, это не то же самое, что хотеть провести на этой странной планете денек-другой.

Особо на Галлифрее смотреть не на что. Да, тут растут серебряные деревья. Горы тут красновато-охристого цвета – это тоже верно. Некоторые здешние аналоги орхидей жутко самодовольны – увы, и этого не отнять. Оранжевый и бежевый – два основных в здешней гамме цвета: прямое указание на то, что воображением творец сего мира похвастаться не мог.

Определенные улучшения можно было бы внести, но проблема заключалась в том, что галлифрейцы как ни одна другая цивилизация не любили перемены. Мобильная связь никогда не прижилась бы у них – слишком уж возмутительный шаг вперед.

Оранжевые небеса отражали это неприятие преобразований – весь день казалось, что солнце не то только-только вос-

ходит, не то уже вот-вот сядет. Время здесь будто застыло в мертвой точке. И населению Галлифрея такое положение дел было по душе.

Давным-давно, на пике своих достижений, галлифрейцы стали Повелителями Всего Времени – и сразу же пришли к выводу, что, обладая подобной силой, можно практически ничего не делать. Если и вмешиваться в чужие дела, то только для того, чтобы сохранить всеобщий и всеохватывающий статус кво. Раз ничего не должно меняться на Галлифрее, то и во всей остальной Вселенной да будет так.

Существовала лишь парочка неприятных моментов, портящих общее впечатление. Большая часть населения Галлифрея была счастлива расти, проживать долгие жизни один одинаково-оранжевый день за другим, а потом соскальзывать куда-то в загробный мир или некий его местный аналог – благодарю за внимание, всем пока. Вместо того, чтобы додуматься до технологии Интернета, галлифрейцы построили Великую Библиотеку Душ и Мнений – огромное хранилище для всевозможных «я же тебе говорил». Собранная в сей Библиотеке мудрость была доступна всякому спрашивающему и могла быть запросто уложена в одно-единственное предложение: «Не делай резких движений».

В общем, все тихо радовались жизни на Галлифрее, не считая нескольких мятежных душ, решивших оставить родину и странствовать в Вечности. Иные – Мастер, к примеру, – пытались подмять под себя столь великую часть Вселен-

ной, сколь только возможно; но большая часть просто оседала в тихом уголке и посвящала себя безвредным увлечениям вроде пчеловодства или распивания чая.

Доктор, само собой, был исключением из исключений из правил. Не стремясь взять всю Вселенную в оборот и не испытывая дружеских чувств к пчелам, он прорывался чрез пространство и время, цепляя глаз всякого, обращавшего на него внимание – будто какая-нибудь экзотическая цветастая рыбина. Он умудрялся спасать целые планеты не в ущерб собственным интересам: рыбалке (из рук вон неумелой), декламации поэзии (громкой) и обзывательству (из рук вон неумелому и громкому). Да, чай ему нравился, но распивал он его со столь великим сопутствующим ущербом, что можно было сказать – да, Доктору нравится пить чай ровно так же, как Далекам нравится мягко приземляться на открытые ими планеты и здороваться с местными обитателями.

Когда Романа впервые повстречала Доктора, она только-только окончила Академию Повелителей Времени и рассчитывала с его помощью защитить диссертацию о поисках Ключа Времени. Обернулось это все внеплановым спасением Вселенной от коллапса. А уж потом пришлось им вместе спасать Вселенную и дальше – и с той поры прошло уже немало времени. А еще она научила Доктора, как кипятить воду, не сжигая все кругом, дала пару дельных советов по остановке межгалактических войн, привила ему любовь к походам по магазинам и к спасению не только разум-

ных форм жизни, но и маленьких зверушек, издающих забавные звуки (так что с тех пор они занимались и их спасением, о да). Суть в том, что первоначально в планы Романы не входила продолжительная отлучка от галлифрейского бежево-оранжевого быта, но с тех пор, как она повстречала Доктора, слишком много всего случилось, и со временем, коль скоро никто не предлагал вернуться домой, она решила, что, может, возвращается и незачем. Общество Повелителей Времени вполне обходилось без нее, незыблемое и неизменное – значит, скорее всего, таким оно и пребудет во веки веков.

Ох уж эти Крикитцы, вечно все портят. Теперь, похоже, им с Доктором придется все-таки вернуться на Галлифрей – и не отвертись ведь. И если ей выпадет шанс такую напасть, как этот вынужденный визит, пережить (в чем она сомневалась), Повелители Времени Галлифрея все равно могли вдруг припомнить, что некая Романадворатрелундар однажды исчезла. Тогда у них возникло бы много вопросов. Много весьма неприятных и дотошных вопросов.

ТАРДИС угрюмо хлопнулась о поверхность Галлифрея. Дверь открылась, и Доктор шагнул наружу, похлопав успокаивающе по голубой стенке.

– Да, старушка, никому из нас не хочется сейчас быть здесь, – произнес он, – но ты уж прости...

Следом за ним, сгорбившись и надвинув шляпку на глаза, выбралась Романа. Один только К-9, похоже, был рад визи-

ту – пес-робот, пулей вылетев наружу, помчался куда глаза глядят на всех парах.

– Ну-ну, приятель, скоро поймешь, кто твои настоящие друзья, – сухо бросил Доктор псу вослед.

Они находились в самом сердце Империи Повелителей Времени. Галлифрейский Капитолий, являющий из себя не то шедевр амбициозной архитектуры, не то по-дурацки огромный снежный шар, возвышался впереди. Башенки и шпили пронзали циклопический стеклянный купол. Постройка так и лучилась самодовольством.

А ведь когда-то – так давно, что ныне это уже казалось сном, – Романа расхаживала по ее коридорам и окидывала взглядом огромные информационные колоннады, спиралью уходившие к самому ядру планеты. Если у Времени и был дом, то – где-то здесь, и быть частью такого дома служило, как думала она тогда, великой привилегией. Капитолий казался неприступным и непреложным – как сам центр Вселенной.

Теперь же, попутешествовав по настоящей Вселенной, Романа, вернувшись сюда, чувствовала себя неуютно – как тунец, приплывший на фабрику консервов.

– Дом, милый дом? – спросил Доктор с горькой улыбкой. Романа скорчила рожицу.

– Может, стоило просто позвонить им?

Доктор потер подбородок.

– Хорошая мысль! Но мы все равно уже здесь.

Они зашли под сень стеклянного купола и зашагали по одному из выющихся куда-то вдаль коридоров. Доктор вдруг резко остановился:

– Господи, ну и ужас.

Романа проследила его взгляд – и тоже вздрогнула. Впереди маячила здоровенная, абсолютная уникальная в своем уродстве софа.

– Доктор, – прошептала она, – кажется, я знаю, почему на Галлифрее все такое вот несменяемое. У нашего народа – удивительно дурной вкус.

Они уселись на софу. Несмотря на все их ухищрения, удобной та быть отказывалась.

– А стоит-то, наверное, целое состояние, – проворчал Доктор. – Спросить бы со всех этих индюков... – Тут он умолк, ошеломленный.

Романа не заметила перемены.

– Где-то здесь, в одном из этих зданий, у моего научного руководителя, зуб даю, уши горят. Сейчас спросил бы: «К какой эре принадлежит сей замечательный образец нашей культуры, юная Романадворатрелундар?». И я бы ответила: «К эре напыщенности».

– Пожалей мои чувства! – пробормотал Доктор, все еще слегка не в себе. – Я сейчас вспомнил, что являюсь здешним главой.

Романа, как и любой Повелитель Времени, довольно легко забывала о том, что титул Доктора – Президент Верхов-

ного Совета Галлифрея, Регулировщик Ока Гармонии, Обладатель Мудрости Рассилона и Хранитель Матрицы, И Так Далее, и Так Далее. Хотя бы потому, что достался он ему не совсем по заслугам, по стечению случайных обстоятельств. В свой предыдущий визит на Галлифрей Доктор (сам того, впрочем, не желая) случайно убил единственного кандидата на президентских выборах – осуществив часть плана Мастера по захвату интерфейса управления Оком Гармонии, скрытым под полом Паноптикума¹⁰.

Доктор решил-таки попробовать недолго побыть Президентом. Какой-то юморист тогда заметил, что когда Доктор обратил внимание на Землю, инопланетные вторжения там стали случаться каждую неделю – так что Галлифрею при его правлении не стоит ждать лучшей участи. Слова оказались пророческими: два вторжения за две недели. Само собой, Доктору указали на дверь, и он, объявив, что это был худший отдых на его памяти, гордо удалился. Как ни странно, с тех пор на Галлифрей никто ни разу не вторгался.

– Я совсем забыла, что ты – Президент, – улыбнулась Романа.

– Я тоже, – задумчиво протянул Доктор. – Честно говоря, когда об этом не помнишь, крепче спится. – Он смахнул невидимые пылинки с плеча и покровительственно тыкнул Роману в кончик носа. – Строго говоря, Романа, раз уж мы

¹⁰ Подробнее о данных событиях рассказывается в эпизоде «Смертоносный враг» («Deadly Assassin»), третьей серии эры Четвертого Доктора (1976).

здесь, тебе, наверное, следует обращаться ко мне как к Лорду-Президенту Доктору. Если, конечно, это звучит не сильно абсурдно.

– Уж прости, это чересчур абсурдно даже для меня.

– Понимаю. – Доктор вырвался из объятий софы и неуклюже скользнул на пол. – А знаешь, держу пари, старые козлы забыли, что я тут главный. – Он потер руки. – Вообще-то, этот визит может принести нам уйму веселья. Особенно если меня арестуют. А они это наверняка сделают. – Он бросил пыливый взгляд сначала налево, потом – направо. – С минуты на минуту.

Есть такие типы, что умеют предсказывать дождь. А еще есть Доктор – угадывает, когда появится посланная за ним вооруженная охрана.

Итак, они с Романой стояли у софы и ждали ареста. Теперь, после слов Доктора, им было хорошо слышен отдаленный сигнал тревоги, носящийся по ветру, и топот солдатских ботинок. Доктор лениво сощурился на часы:

– Опаздывают. Тот парень, что у них за главного, нерасторопен.

– У них же *ты* – за главного.

– Ну да, я знаю. – Доктор присвистнул. – Мне на ум только что пришел шикарный вариант, как можно обыграть эту фразочку – «ведите меня к своему лидеру».

– Ты, извини, о чем?

– Это такое выражение с Земли. Всякий раз, когда при-

земляется летающая тарелка, главный инопланетянин, по их разумению, должен сказать: «Ведите меня к своему лидеру – да побыстрее!». И они должны потащить его к ближайшему солдафону. А по-хорошему должны тащить в налоговую – ну не умора ли?

– Летающие тарелки – такая пошлость, – хмыкнула Романа.

– Да, тут с тобой не поспоришь. Так на чем мы остановились?..

Из-за угла коридора показался отряд галлифрейской полиции. На Доктора и Роману нацелилась уйма оружия. Доктор театрально вскинул руки и встал перед софой – на тот случай, чтобы пуля, прошедшая навывлет, наверняка испортила ее.

– Я ваш лидер! – заявил он. – Ведите меня ко мне! – И расхохотался.

Романа неодобрительно покачала головой.

Доктору всегда нравилось, когда его хватала галлифрейская канцелярская охрана. Они напоминали ему ярко завернутые рождественские конфеты – из-за алых форменных плащей, украшенных тонкими белыми полосками. Порой форма дополнялась забавными шляпами с перьями, заставлявшими его беспокоиться о том, что где-то на Галлифрее есть ферма, полная злых, лысых павлинов.

Я слишком долго отсутствовала, подумала Романа. Она всегда восхищалась теми помпезностью и великолепием, что

были присущи ее родной планете – миру, где всякая дверь была порталом, а простая лопата называлась «грунтовым рыхлителем Рассилона». И теперь, когда их вели через бесконечные вьющиеся коридоры, она еле-еле сдерживалась от смеха. Однажды она нашла в неприметном уголке ТАРДИС детскую книжку. Книжка была про заброшенную библиотеку, которой стали управлять книжные черви. У всех этих червячков были забавные имена, а еще они носили очки. С ними вечно приключалось что-нибудь этакое, но благодаря сплоченности, готовности помочь друг другу и знаниям, что были почерпнуты из объедаемых ими библиотечных книг, червячки выпутывались из всех передряг. *Какая же милая абсурдятина*, подумала тогда Романа – и тут же прочитала книгу от корки до корки. Идея микрокосма, пожирающего то самое знание, за которое он печется, очаровала ее, и она рассказала о книжке Доктору. Тот лишь посмеялся в ответ.

– А как же их очки? – спросил он тогда. – При помощи чего они держатся у них на головах?

Когда они углубились в Капитолий, интерьеры кругом приобрели более мрачный вид. От темно-коричневых цвет коридорных стен перешел к зловеще-изумрудному.

– Я никогда здесь не была, – заметила Романа.

– Конечно, не была, – сказал Доктор. – Здесь все бывают первый и последний раз. Никаких тебе соф...

– Ну и хорошо – они ведь ужасные, правда?

Доктор не ответил, а стражники – и подавно; для них это

было загадкой. Когда вас куда-то вели эти молодчики, с высокой вероятностью в конце пути вас ждала ликвидация – то есть, вы переставали существовать, и вашу временную энергию передавали кому-то еще, кто мог бы распорядиться ей получше да поумнее. Люди, которые едва обращали на вас внимание, проходя мимо, теперь не замечали бы вас вовсе. Процесс этот, само собой, звался «стиранием Рассилона», хотя на самом деле придумал его не Рассилон, а кто-то другой, чье имя нелюбопытная история Галлифрея позабыла.

Стражники про себя тихо дивились тому, что эти двое, не выказывая страха вообще, болтали о мебели – смеялись над галлифрейскими седушками, набивными и смехотворно-фиолетовыми. Доктор задался разумным вопросом, не утащили ли их в один прекрасный день из сотен затрапезных парикмахерских. Романа же в этой беде склонна была винить Мастера с его хитрыми тайными заговорами.

– Что ж, даже если и так, – усмехнулся Доктор, – это лучший его зловещий план. Но я в этот раз склонен полагаться на презумпцию невиновности в его отношении!

Наконец, они прибыли в святая святых. Судя по эху, отскакивающему от каменных стен, то была просто огромная темная пещера. В ее возможном центре стоял повернутый монолит каменного стола, столь длинный и мрачный, что столоваться за таким впору было только каким-нибудь несчастным женатым гоблинам. В дальнем конце стола сидел маленький человечек в парадной мантии – этакий вол-

шебник-мудрец, завернутый в старое одеяло. Сдвинув очки в проволочной оправе, он потер усталые глаза.

– О, это ты! – простонал он, увидев, кого к нему ведут.

– Кто сидел на моем стуле? – довольным медведем прогромыхал Доктор. – Да это же старик Боруса! – Подбежав к маленькому человечку, он по-приятельски двинул того под ребра. – Согреваешь мне сиденье, да? Романа! – ликующе воскликнул он. – Это кардинал Боруса, мой старый наставник!

– Хм, – удивленно откликнулась Романа. – Вообще-то, и мой тоже.

Фулданкин Боруса, прайм-кардинал Галлифрея, протащился через целую цепочку непутевых жизней. У Повелителей Времени тринадцать регенераций, и, блюдя разумную осторожность, они могут прожить очень долгую жизнь. Кардинал Боруса провел не одну тысячу лет, неспешно восходя по карьерной лестнице Галлифрейской академии, свершив на верхних ее ступеньках величественно-элегантный прыжок на утлый пик политического полюса. Само собой, путь сей был пройден с величием, уравновешенностью и тактом. До этого Боруса регенерировал только тогда, когда кости его чинно-древних тел рассыпались в порошок прямо внутри тела.

Однако с недавних пор кардинал повадился мчаться сквозь оставшиеся воплощения с дикой скоростью. Кажется, благоразумие всех долгих минувших лет оставило его.

Он проконсультировался с причинно-следственным терапевтом – тот не нашел ничего лучше, чем спросить, не попал ли Боруса в последнее время под воздействие невероятностей высших степеней. В какой-то мере можно было сказать и так – ведь в жизни Борусы вдруг появился Доктор.

До того активного вмешательства Боруса что так, что смяк питал некую слабость к Доктору. За свою долгую-предолгую карьеру он подготовил немало успешных инженеров времени, квантовых механиков, архивистов теории относительности, и так далее. Все эти Повелители Времени достигали значимых высот – и обо всех о них он забывал, обычно не нуждаясь ни в чьих услугах. Но Доктор выбивался из ряда. Конечно, он был как заноза в пятке, но – все-таки. Пусть Боруса и не поощрял воспитание ренегатов, с Доктором было хотя бы интересно вести задушевные беседы. А еще Доктор так любил передраги и столь рьяно впутывался во всякую небывальщину, что порой попросту не виделось возможным уследить за всеми его противоправными поступками. Его печально известную древнюю даже по меркам Галлифрея ТАРДИС бросало от одной горячей точки к другой. Тем не менее, Доктор оказался на редкость удачлив – учитывая, сколько раз его жизни угрожала неминуемая опасность (его постоянно преследовали, расстреливали, пытали, скармливали черным дырам, протаскивали сквозь темпоральные бури, объявляли вендетту – досаждали по-всякому, проще говоря), он всегда в самый последний момент оставался в выигрыше.

Чувство стиля всегда подводило Доктора, но, похоже, утверждало раз и навсегда его неубиваемость. В нынешнем своем воплощении Доктор питал ничем не мотивированную слабость к шерсти. Казалось бы, весь его нынешний наряд – огнеопасен с ног до головы, и все же, в большинстве катаклизмов, связанных с огнем и серой, Доктор умудрялся как-то выживать. Окажись Боруся на его месте – немедленно обрядился бы в асбестовый костюм и выбросил бы куда подальше чудовищной длины цветастый шарф.

Боруся сходил со своим худшим учеником дважды. Первый раз – когда в камере Паноптикума дестабилизировалась чревоотчина. Второй – как раз в тот уже помянутый и не самый светлый для Галлифрея период, когда участились вторжения извне. Оба раза им с Доктором угрожала неслабая опасность, и если Доктор уцелел, то для кардинала, увы, все сложилось не так радужно.

Причинно-следственный терапевт Боруся сформулировал все следующим образом:

– Предположим, где-то во Вселенной существует такая вещь, как удача. И если она есть, это значит, что ее, удачи этой – конечное, лимитированное количество. – У терапевта был настолько сухой стиль изложения мыслей, что можно было его поджарить и намазать маслом. – Если так, нам остается предположить, что на долю Доктора почему-то выпало больше удачи, чем на вашу. И эта крупная доля должна быть во всех ситуациях вычтена из общей суммы доступной

поблизости на конкретный момент удачи. Доктор, в сущности своей – сложное пространственно-временное событие. На вашем месте, в своих будущих воплощениях, я держался бы от него как можно дальше.

Смерти Доктора, достаточно редкие, выступали актами великого героизма. Борусе же в последние несколько лет пришлось регенерировать то из-за обрушения огромной стопки фолиантов, то из-за упущения десятичной запятой в расчетах, то из-за грибкового поражения ногтя. Иными словами, смерть Борусы стала частой и абсурдной.

Будто пытаясь подсластить пилюлю, жизнь подсунула ему ускорение политической карьеры. Доктор заступал на свой президентский пост с той же легкостью, с коей с него же соскакивал – управление одной из самых важных во Вселенной цивилизаций не имело для него, по-видимому, никакого значения. Боруса осторожно, ни капельки не завидуя, заступал на свято место – всякий раз, когда оно пустовало. Если Доктор мог тратить свои силы впустую, кого-то там в очередной раз от чего-то спасая, Боруса не мог позволить им, своим силам, пропасть впустую. И что с того, что он, кардинал, потратил тысячелетия на неспешный подъем, а Доктор бесцеремонно вломился – да еще и отнесся к президентству как к какому-то неудачному подарку на Новый Год? Боруса ведь тоже мог извлечь из него кое-какую выгоду – вот и стал исполняющим обязанности Президента, обучая теперь уже более знатных Повелителей Времени и на досуге втихую ис-

следуя всевозможные способы остаться в живых. Он знал – рано или поздно Доктор все равно появится снова, и потому заранее беспокоился о последствиях визита – если не для Вселенной, то уж точно для него самого.

Не так давно кардинал Боруса слегка отвлекся от забот на менторство над юной леди Романадворатрелундар. Та, конечно же, ученицей была яркой, традиционно амбициозной, и в ней была какая-то холодная скука, убеждавшая Борусу в том, что пойдет она далеко, но... не слишком далеко. Не хватало ей какой-то искры, в общем. Кардинал был немного удивлен, когда узнал, что она оставила Галлифрей ради краткосрочной миссии; удивился куда как сильнее, когда она не вернулась. После ее пропажи он дал себе клятву никогда более не покидать пределы Капитолия.

И вот, после долгого отсутствия, она-таки показывается – вслед за Доктором! Да еще и с такими поразительными переменами в себе самой. Дело было даже не в том, что она регенерировала – в ней появилась та самая отсутствующая искра. Ее походка обзавелась этакой бодрой пружинистостью, старую форму сменил безупречно скроенный твидовый костюмчик, а в глазах – о Господи, спаси и помилуй, – светился острый ум. К сожалению, Доктор снова сделал невозможное: Романа стала силой, с которой приходилось считаться.

Правда, выглядела она немного смущенной – но этого следовало ожидать. Боруса провел несколько сотен лет, совершенствуя хищный блеск глаз, сразу заставлявший всех сту-

дентов беспокоится о том, что они опоздали на семьдесят лет со сдачей эссе. Доктор к этой уловке был заведомо невосприимчив – эссе он не сдавал вообще никогда.

Доктору также было ведомо, что он мог вызвать на Галлифрее видный переполох, просто зайдя в какое-нибудь помещение и начав проявлять властные замашки – на кои, пусть и в теории, имел полное право. На сам факт правомочий ему было, само собой, как-то плевать – он просто наслаждался раздражением соотечественников.

– Что ж, Боруса, – объявил он басом столь зычным, что кардинал бросил боязливый взгляд на люстру, качающуюся высоко над головой в темноте. – Должен сказать тебе кое-что очень важное...

– И что же? – Боруса вдруг почувствовал себя ужасно усталым. Ничего хорошего его не ждет, это как пить дать.

– Видишь ли... – начал Доктор и содрогнулся. – То, что я должен тебе сказать, жутко и нелицеприятно...

– Крикитцы вернулись, – обрубил Романа его клоунаду.

– Абсурдная весть, ничего не скажешь. – Кардинал знаком повелел им следовать за ним, и из пещерного мрака приемной Борусы они попали не то в маленький солярий, не то на отправную станцию лучевого передатчика материи.

– Еще какая! – согласился Доктор.

– Абсурд высшей пробы, – подвела черту Романа.

– Подумать только, ты посетил настоящий матч по крикету. – Боруса качнул головой. Вокруг них заплясали малень-

кие огоньки – они начали спуск в самые закрома инфобанка Галлифрея.

– Увы, пришлось, – ответил Доктор. – Тянуть дальше не было смысла. Я сомневался, конечно, всегда, но...

– Доктор, иногда твой искренний интерес к этой далекой планетке удивляет меня. Их обычаи – по крайней мере, некоторые, – возмутительны, тут иначе и не скажешь.

– Либерализм? Лозоходство? Ландшафтный дизайн? – стала предполагать Романа.

– И этого хватает, – одобрительно кивнул Боруса: названы были как раз такие три вещи, что попросту не укладывались у него в голове. – Но крикет – это вообще за гранью добра и зла. Взять самую ужасную веру во Вселенной – и превратить ее в игрище...

– Дело в том, – предостерег кардинала от поспешных выводов Доктор, – что мы, возможно, видели проблему не с того конца телескопа.

Боруса покачал головой и сверкнул усталой академической улыбкой.

– Нет, Доктор, я думаю, вам просто следует признать, что у ваших любимчиков нет ни капли такта.

Само собой, хитрец-кардинал подгадал свой последний выпад таким образом, чтобы протесты Доктора совпали с прибытием лучевого передатчика в нужное место. Воздух снаружи пахнул августовскими холодами. Стены были обложены древним камнем – будто в какой-то безумной ванной

комнате: ни намек на тепло, уют и дружелюбие.

Все трое пассажиров шагнули в большую матричную камеру. Именно здесь бродили бесплотные души умерших Повелителей Времени, жаждущие дать отпор своим потомкам. Отпор проявлялся в приглушенном, но все же различимом неумолчном шепоте. Матрица содержала в себе все накопленное знание Повелителей Времени, экстрагированное из душ недавно ушедших. Тавтологически выражаясь, душам более всего по душе было сулить всему живому беды и разрушения, но, поскольку галлифрейское общество всяких перемен чуралось (тем более, таких радикальных, как беды и разрушения), здешним призракам не оставалось ничего иного, кроме простого беспредметного ворчания.

Техники суетились кругом – утомленные люди со страдальческими лицами вечных объектов сплетен. Хмуро зазвенел где-то вдалеке колокол.

Романа спускалась в большую матричную камеру лишь однажды, вместе с школьной экскурсией. Тогда они шли четким строем, и им велели не трогать мертвых родственников – ее шестидесятилетнему «я» (ребенку по меркам галлифрейцев) атмосфера показалась уж очень нездоровой. У нее не находилось подходящих для описания слов до тех самых пор, пока Доктор не показал ей руины собора, оставшиеся после одной некогда благородной цивилизации. Собор был домом Бога, верно предрекшего уничтожение планеты. Теперь же, когда Армагеддон миновал, в атмосфере

руин считывалась горечь человека, который оказался совершенно прав, но которому теперь было решительно нечем похвастать.

Вернувшись в Матрицу с Доктором, Романа больше не чувствовала той оторопи.

– Ужасное место, – только и сказала она.

Доктор аж светился от счастья:

– Вот именно! Ужасно недружелюбное, не так ли?

– Попрошу чуточку почтения! Перед вами – вершина достижений Галлифрея! – Тут даже флегматичный кардинал повысил голос, но кто-то из его предков шикнул на него.

Доктор провел пальцем по древним компьютерным банкам.

– Здесь не так уж и много пыли, правда? – заметил он, и Романа подумала, что по его меркам тут, само собой, похвастать было нечем¹¹.

Доктор смотрел, как Боруса расхаживает по архиву, сыпля распоряжениями. Он в задумчивости пожевал губу. Ладно, допустим, он препоручил Галлифрей этому боровику, но откуда это странное влажное чувство в душе? Уж не ревность ли это? Ведь одно дело – оставить последнюю сливу на тарелке, потому что она вам не нравится, и совсем другое –

¹¹ Совсем недавно Романа наткнулась в конце одного из внутренних коридоров ТАРДИС на старушку со шваброй и ведром. На вопрос о том, что она тут делает, старушка оперлась на древко швабры и грустно вздохнула. «Убираюсь, милочка» – таков был ее ответ. Романа побежала за чашкой чая для женщины, но та исчезла к тому времени, как чайник заработал как надо. – *Прим. авт.*

обнаружить, что кто-то обгрыз ее до косточки и прикарманил вдобавок тарелку. Нет, со старика-кардинала определенно нужно было отряхнуть спесь.

Что-то стукнулось о ногу Доктора. Он посмотрел вниз.

– К-9! – просиял он.

Пес-робот завилял хвостом.

– Хозяин! – объявил он с интонацией, в которой без труда читалось «ну и где ты все это время был?»

Доктор прищурился – просто чтобы убедиться, что это тот самый К-9; ведь где-то на Галлифрее по сей день обитала более ранняя версия пса вместе с предыдущей спутницей Доктора, грозной амазонкой Лилой, наверняка и сейчас бегавшей по здешним бежевым пустыням с вечно хмурым лицом в наряде из тряпок, позаимствованных у мойщика окон.

Романа погладила пса по стальным ушам.

– Ну как, разведал что-нибудь?

– Установил надежную порталную связь с Усиленной Панотропной Сетью.

– Хороший мальчик, К-9! – Романа потеряла оловянный нос робота.

Доктор, хотевший спросить, не находи ли К-9 где-нибудь поблизости нормальных компьютеров, просто кивнул. Он так и не понял, что же натворила эта псина, но выглядеть дурнем перед Романой не хотелось.

– Ты очень вовремя, – сказал он, махнув рукой в сторону Борусы.

Исполняющий обязанности президента оказался вежливо проигнорирован группой архивистов. Благословленные долгой жизнью и безграничным терпением, галлифрейцы могли игнорировать друг друга практически до бесконечности. Одной из причин застоя Золотого века технологий на их планете стала задержка инженера-телефониста. В одну из таких затянувшихся сиест Повелитель Времени по имени Бардак Взбалмошный изобрел беспроводной наручный коммуникатор, и наука галлифрейцев рванулась вперед – само собой, предварительно поклявшись больше ничего подобного не делать.

– Боруса! – громко окликнул Доктор кардинала. – Мой пес что-то нашел!

Поняв, что привлек всеобщее внимание, К-9 выдержал паузу. Голос его вибрировал от собственной значимости:

– Виновата матрица!

Архивисты дружно и громко ахнули. Привидения зашикали со всех сторон.

К-9 кивнул.

– Абсолютно точно, – выдал он. – Ошибки исключены.

– Вздор, – буркнул кто-то из архивистов.

Но Доктор задумался. Тревожные прецеденты с использованием матрицы случались – однажды, например, Мастер заставил весь Галлифрей временно забыть о самом факте своего существования.

Боруса погрозил Доктору пальцем:

– Будь осторожен в словах, друг мой! Матрица – кульминация всех знаний, оракул всего, что только можно предсказать. Если она не предсказала возвращение крикитцев, значит, его и не было.

– Вздор и чушь, – твердо парировал Доктор.

Романа полезла в карман и вытащила многократно сложенный газетный разворот. На первой полосе «Таймс» было помещено размытое фото крикитца, бегущего через им же разбомбленное игровое поле.

Доктор вознаградил Роману улыбкой довольного кота. Все предусмотрела!

– Но это невозможно!

– Как же! – Романа всегда любила спорить со своим ментором, но сейчас был первый раз, когда предмет спора не лежал в сугубо академической области – и в этом был явный шарм. – Знаете, что? – Она двинулась на Борусу. – Думаю, с матрицей что-то не так.

– Превосходная мысль! – Доктор уже потирал руки.

– Мы должны внимательно изучить все сведения о крикитцах, хранящиеся внутри матрицы... – Романа сделала еще шаг вперед.

– Истинно так, – подхватил Доктор.

– ...и для этого нам нужно будет войти в нее.

Лицо Доктора вытянулось.

– Знаешь, – осторожно заметил он, – добром это обычно не кончается.

Глава 6

Не пролистывайте этот фрагмент: продолжение очень значимой галактической истории

Прозвучало уже немало слов об «остальной Вселенной» или «всем остальном, что есть в Галактике», все в таком духе. Конечно же, все знают, что Галактика весьма велика в территориальном плане, изобилует ошеломляющим количеством всевозможных форм жизни, основанных на углероде, кремнии, свете. То есть, в ней можно найти и моллюсков, и рыб, и млекопитающих, и инсектоидов, и туристических агентов, так далее, так далее.

Применима такая характеристика почти ко всем галактикам.

Вот мы и подходим к следующей из серии крупных ошибок, что привели к лежащей в основе данной истории ситуации. Ошибка имела место во время 7-й цивилизационной волны – и вот по какой причине: ночное небо над планетой Криккит – пожалуй, наименее интересное зрелище во всей Вселенной.

Ошибка жителей Криккита заключалась вот в чем: они думали, что одни.

Даже не одни во Вселенной, просто – «мы одни». О Все-

ленной они ничего не знали. На самом деле, не вполне даже верно утверждать, что они так думали. Как и в случае со всеми прочими фундаментальными положениями, им просто не приходило в голову, что может быть кто-то еще.

Причина у заблуждения была предельно простая: планета Криккит вращалась вокруг солнца на самых задворках Галактики. Дальше нее шли целые парсеки пустоты – и только потом начиналась другая Галактика, такая далекая, что почти что невидимая. А между Криккитом и остальной частью собственной Галактики пролегало облако космического мусора, такое плотное, что сквозь него в любое время дня и ночи не было видно ровным счетом ничего.

Жителям Криккита не приходило в голову тратить время на то, чтобы смотреть на небо, потому что смотреть там было не на что. Ничто не цепляло глаз, не интриговало и не заставляло воображение работать. Пустота – и ничего более.

Днем, само собой, восходило солнце, но всякий, кто глядел на него слишком долго, потом терял способность видеть что-то еще, и этого было достаточно, чтобы отпугнуть от процесса даже самых любопытных.

Да и сам Криккит был миром столь прекрасным, столь полным цвета, света и жизни всех видов, что у Криккитов (так называли жителей планеты) не было никаких поводов смотреть на пустоту или размышлять о ее значении. Не о чем было размышлять. Для них небо почти что не существовало.

Они были счастливы. Они жили в мире. Они работали

в полях, чтобы добыть себе пропитание, строили приятные глазу дома, писали музыку, рисовали картины. Спросите крикита, чего он хочет от жизни – и он ответил бы «да вот этого всего», демонстрируя, что все, что надо, у него уже есть, и он этим вполне доволен.

В облачном ночном воздухе не было мерцания звезд. Теплый бриз проносился над песчаными пляжами. Планета, на первый взгляд, казалась уютно-ординарной – если не обращать внимания на огромные буквы, пылающие в небе.

В сотне ярдов от линии моря открылась дверь, и доктор, Романа и К-9 шагнули за порог. Они пошли к пляжу по мелководью. Доктор и К-9 большую часть пути спорили о двери.

– Это ведь виртуальная дверь, К-9, ты что, не мог поставить ее чуть поближе?

– Ответ отрицательный. Кроме того, хозяин, море – тоже виртуальное.

– Болтай больше! Мои носки промокли!

– Исключено, хозяин.

– Еще как! Промокли насквозь!

Романа первой оказалась на берегу.

– Никого из вас не смущают эти здоровенные буквы в небе? – спросила она.

Доктор поднял глаза.

– Ерунда, – пожал он плечами. – Это просто сопроводительный текст от матрицы.

Вот какие слова складывались из пламенеющих литер:

ПЛАНЕТА КРИККИТ ПРЕБЫВАЕТ В УЕДИНЕНИИ НА ОКРАИНЕ ГАЛАКТИКИ

– Тонко, – заметила Романа.

– Следи за небом, Романа.

– Звезд нет. Что странно, так как светового загрязнения тоже не наблюдается. Заметь, небо ясное. Может, все дело в погодных условиях...

Доктор щелкнул пальцами, и горящая надпись изменилась:

КРИККИТ ОТРЕЗАН ОТ ОСТАЛЬНОЙ ЧАСТИ
ГАЛАКТИКИ СКОПЛЕНИЕМ КОСМИЧЕСКОГО
МУСОРА

– А, теперь понятно, – кивнула Романа. – Что ж, очаровательно! Из-за отсутствия света извне они возомнили себя не просто центром Вселенной, но *самой* Вселенной. Это вывело их солипсизм на глобальный уровень – далеко за пределы амплифицированного эгоизма.

Доктор потер подбородок.

– Совершенно верно. У них, наверное, было много поэтов-декадентов. А ты, сдастся мне, прочитала слишком много книг.

– «Слишком много» книг не бывает, – парировала Романа, прыгая по отмели. – Какое все-таки странное место. – В этот раз щелкнула пальцами она.

Надпись на небе сменилась:

На протяжении миллионов лет Криккит успешно развивался во всех научных направлениях, кроме астрономии.

– Я поменяла шрифт, – сказала Романа, – и убрала большие буквы. Мне не нравится, когда на меня непрерывно орут. – Она смерила Доктора многозначительным взглядом.

– К-9, это она на тебя намекает. – Доктор погладил пса и подмигнул ей. – Давай-ка дальше читать.

Романа щелкнула пальцами.

За всю свою историю жителям Криккита ни разу не пришло в голову, что они не одни во Вселенной. До тех пор, пока...

Романа нахмурилась:

– Что-то он подвисает.

– Все в порядке, – заверил ее Доктор. – На твоём месте я бы немного отошел.

Романа отступила назад – и через несколько минут на том месте, где она стояла, разбился космический корабль.

Он прорвался сквозь темное небо, осветив его полосой огня. Рев его умирающих дюз пронёсся над утесами, морем и далекими землями. И вот он врезался в песчаный пляж.

Эхо его прибытия висело в воздухе ещё довольно долго. Море вспенилось, пошло большими волнами. Твердь дрогнула.

Доктор и Романа стояли посреди пожара. Романа стрях-

нула кусок горячей обшивки с К-9.

– Мне кажется, – заметил Доктор, – что эти буквы там поменялись.

– Мне из-за дыма ничего не видно.

– Вот незадача, и мне – тоже.

– Подождем, пока рассеется?

– Славная мысль. У тебя в карманах не завалился зефир?

Доктор, Романа и К-9 нашли участок песка, не превратившийся от жара в стекло, и засели там. Корабль все горел себе, день потихоньку начинался. Слова остались висеть в небе:

День, когда корабль, миновав облако космического мусора, рухнул на планету Криккит, можно было по праву назвать черным для всей населяющей ее расы.

На пляже стали появляться криккиты – почти как люди, едва ли отличимые. Они выходили на ближайший утес – осторожно, не спеша, – и глядели вниз. Кто-то подгробал к кораблю в лодке, покачивавшейся на волнах, все смотрели на огонь. Никто не произнес ни слова.

– Это и есть жители Криккита? – спросила Романа шепотом. – Выглядят нормально.

– Это пока, – заверил ее Доктор.

Солнце восходило и заходило, корабль все горел и горел, толпа зевак все росла и росла. Кто-то просто смотрел на корабль, кто-то пел ему песни. Группка девушек, дерзнув подступить ближе всех, возложила на пылающие обломки гирлянды цветов.

Толпа взирала на сей жест, явно пытаясь уразуметь, согласны ли они с ним, считают ли его непристойным или жалеют о том, что не додумались до такого первыми. Цветы загорелись – это, казалось, решило все вопросы.

Через несколько дней огонь все-таки угас. Когда чад и дым рассеялись, оказалось, что корпус корабля не так уж и сильно пострадал – куда больше досталось берегу.

Из толпы появился выдвигенец в мантии и обратился к кораблю. Впрочем, почти сразу же сбившись, он покачал головой. Мягко постучал по корпусу. И – влился обратно в ряды.

Неизвестно, что довело их – это постукивание, или тот факт, что явление лишило их дара речи. Может, до них наконец-то дошло, что сверзившаяся с неба штуковина может быть только космическим кораблем – ничем иным. Так или иначе, дело пошло вразнос.

Первый камень ударился о корпус. Сразу за ним последовал еще один. Вскоре толпа обстреливала корабль камнями со всех сторон. Снаряды отскакивали от поврежденной обшивки, не причиняя ей вреда большего, чем тот, что уже был нанесен жесткой посадкой – но это не мешало крикки-там швыряться в корабль снова и снова. Когда камни подошли к концу, они побежали за ведрами новых. Через некоторое время к дробному перестуку камней присоединился еще один звук – сердитый вой, зародившийся в сердце толпы и не думавший утихать.

Слова на небе пояснили ситуацию следующим образом:

Сложно представить себе вред, причиненный умам жителей Криккита упавшим на их прекрасную планету кораблем.

...Все просто вышло вот так вот. Бах – и все. Корабль рухнул с неба. Оттуда, где, как они были свято убеждены, ничего нет. Без предупреждения, не предпринимая никаких дальнейших действий, корабль упал – и взорвался. Всего-навсего один сошедший с курса и потерпевший крушение космический кораблик.

Насмешница-Вселенная будто вдруг обратилась к криккитам: ну, как вам такое? Что вы на это скажете? А они даже и не догадывались о том, что какая-то Вселенная есть.

Прозрение негативно сказалось на них. Они были ошеломлены. Работая с неожиданной и даже ошеломляющей быстротой, они исследовали космический корабль во всех деталях, разобрали его на части, собрали снова, выжали из него все до последней крошечной тайны – и в течение года, чудесного, уму непостижимого года, свершили прорыв для будущих поколений.

Они построили свой космический корабль.

Они пробились сквозь свой извечный заслон и взглянули на просторы Галактики.

Немыслимые, блистательные просторы.

Команда первого корабля вернулась потерянной донельзя, их не держали ноги. Они вернулись другими – их созна-

– вскрытый и опустошенный, как яичная скорлупка, кое-где растащенный по кусочкам. Криккиты так и вились вокруг него – забирались по лесенкам внутрь, ошеломленно разглядывали куски обшивки и маленькие медные проводки. На другом конце лаборатории уже возводилась неспешно точная копия корабля. Ну, конечно, не совсем-совсем точная – линии были не столь плавными, углы острелились как могли.

В другом отсеке лаборатории ученые кропотливо изучали извлеченные из корабля кресла, панели управления и данные бортовых журналов, пытаясь воссоздать в деталях из глины модели существ, что могли управлять залетной машиной. Получая один очередной образец за другим, они сносили его уже в третий отсек через дверь, где бедных големов выстраивали у стены и расстреливали, распиливали или поджигали.

В воздухе лаборатории вспыхнул алым очередной сопроводительный текст:

Методично и самозабвенно работал народ Криккита на новую цель – полную и абсолютную аннигиляцию всех иных жизненных форм.

– Звучит зловеще, – заметил Доктор.

– И все-таки! – Романа заворуженно глядела по сторонам. – Воссоздание, пусть даже и по имеющемуся образцу, функционального космического корабля, выработка научно-го и культурного сознания принципиально нового уровня... на это должны были уйти целые тысячелетия!

Они дошли до конца отсека, и там их услужливо поджидала на стене надпись:

Весь следующий год их работа продвигалась фантастическими темпами.

– Что на это скажешь? – пробормотал Доктор.

– Тихо ты! – шикнула Романа.

Надпись быстро перестроилась:

Оттачивая технологию и углубляя исследования, они вскоре вышли на уровень, что позволял им развязать обширную межзвездную войну.

Стена растворилась. За ней оказался склад с огромным количеством оружия – всего лишь один из многих. Стеллажи с бомбами, ракетами, дезинтеграторами, распылителями материи и нейтронными бластерами тянулись в необозримую даль. За складами, также уставленные до отказа, простирались ангары для боевых единиц космического флота.

Пояснительный текст, особо уже и не нужный, сообщил:

Криккиты даже открыли способ скорого преодоления космических расстояний.

Глазам Доктора и Романы предстала длинная взлетно-посадочная полоса, зажата с двух сторон шеренгами ангаров. Вдоль нее и вытянулся тревожно-алый текст. Пройдя по светящимся буквам, они пришли к огромной черной цилиндрической постройке в дальнем конце полосы. В цилиндре была прорезана дверь, на которой было написано:

Венцом военной технологии криккитов стали криккитцы.

Дверь отъехала в сторону, и белые взводы роботов-убийц повалили наружу, чеканя каждый свой шарнирный шаг. Простота их дизайна устрасала – чем-то да брали за душу все эти бронированные головы с красными сполохами вместо лицевых черт. Их строили не для излишеств, а для действия – прямо из того, что было под рукой.

– За год?! – всполошилась Романа. – Тут нужен неустанный труд миллионов! Или... я даже не знаю... замедлитель времени, как минимум!

Беспристрастный комментарий матрицы услужливо сообщил:

Армия Криккита состояла из андроидов – разработанных и построенных в срок, кажущийся до невозможности коротким. Очевидно, здесь сыграл великую роль чей-то сосредоточенный на одной-единственной цели, одержимый ум. Но вопрос, чей то был ум, ученые стали задавать относительно недавно.

Дизайн роботов-убийц выглядел весьма любопытно – особенно любопытно в свете текущих событий. Криккитцы имели антропоморфную структуру – то есть, их оболочки своими пропорциями напоминали человеческие тела. Вообще, как оказалось, подобная конституция пользовалась феноменальной популярностью у мироздания во все времена.

Они были белыми – то есть, довольно-таки популярного

во Вселенной цвета.

Нижняя половина их ног была оборудована портативными ракетными двигателями – если того требовала обстановка, криккитцы могли воспарить в воздух. Вооружены они были многофункциональными битами – такими, что при одном раскладе могли разрушить до основания целое здание, при другом – выступали в роли смертоносных лучеметов, при третьем – использовались для запуска разрывных снарядов чудовищной силы поражения. Просто ударяя по маленьким красным сферическим гранатам этими Палками Смерти, криккитцы одновременно и активировали их, и задавали сверхточную траекторию полета – протяженностью от нескольких ярдов до тысяч миль.

Проще говоря, криккитцы были превосходными механизмами войны: одновременно сбивающими с толку своим внешним видом и смертельно опасными.

Доктор, Романа и К-9 стояли на плацу, наблюдая, как криккитцы маршируют мимо, забираясь в странные корабли, чья форма успела видоизмениться. Гладкие линии канули в прошлое, аэродинамика утратила важность – теперь это были просто контейнеры для как можно большего количества роботов-убийц, с маленькими оконцами в передней части и заостренными верхушками. Отряды по одиннадцать роботов каждый влезали в контейнер, тот выскальзывал из ангара, с ревом пронесился над плацем и взмывал ввысь, растворяясь в небесных просторах.

Один корабль стартовал за другим, разгоняя облака пыли. Доктор прикрыл глаза.

– Знаешь, – заметил он, – они ведь и правда очень похожи на крикетные павильоны.

Флот «павильонов» заполнил все небо. Шум двигателей как-то изменился – и тогда Романа поняла.

– Это же не двигатели, – выдохнула она. – Это здешний народ.

Злобное эхо гуляло в атмосфере планеты. Народ Криккита кричал от гнева. Гнева, что не унялся бы до тех пор, пока существовала такая огромная несправедливость, как вся огромная и непознаваемая Вселенная где-то там, наверху.

Крик достиг своего пика, и корабли исчезли.

В пустом небе висел один лишь сопроводительный текст:

Наконец, все приготовления были завершены, и без объявления войны силы Криккита начали массированную блиц-атаку на все ключевые центры Галактики одновременно.

Слова моргнули и исчезли. А потом – выскочили в прежнем крупном регистре:

ГАЛАКТИКА СОДРОГНУЛАСЬ.

Боевая орда растворилась вдали, толпа криккитов молчала, наблюдая. Высоко в небе расцветала огненная зарница – такая яркая, что даже облака космического мусора были бессильны скрыть ее. И вот уже вспыхнули первые звезды...

Рядом с ними материализовался дверной проем – угрюмо-беззвучно.

Доктор открыл дверь.

– Пойдем-ка отсюда, – позвал он Роману. – Дальше будет страшнее.

После того, как они ушли, море и полыхающий небосвод печально растворились, оставив после себя лишь неопределенный серый фон и зловещую гигантскую надпись:

ГАЛАКТИКА СОДРОГНУЛАСЬ.

Глава 7

Подробности дрожи галактической

Как назло, в то время Галактика переживала период великой гармонии и счастья, что само по себе достаточно редко.

Царил всеобщий мир. Можно даже сказать, *беспрецедентный* всеобщий мир.

Установился он на всеобщих договорных началах, путем бесчисленного множества руко-, крылье- и щупальцепожатий. Среди галактических народов окрепло убеждение, что смотреть на небо, пожевывать травинку, возделывать сады, и развивать искусство – все же куда более приятное занятие, чем сворачивать друг другу шеи, отрывать клювы и рубить щупальца.

По правде говоря, то было едва ли не дело случая – этот хрупкий всеобщий мир. Во-первых, почти все непоправимо жестокие и хитрые расы вымерли. Ракносы буквально пожрали друг дружку. Джагароты взорвали сами себя. Каменные сердца кастриан просто рассыпались. По Галактике прошлась целая вереница таких вот приправленных иронией темного толка закатов. Даже великие бессмертные вампиры вымерли. Кто-то даже взялся на основании этого утверждать, что где-то есть Бог – и что-то он да смыслит.

Один безумный предсказатель как-то поведал странную историю. Он утверждал, что побывал в самом конце Все-

ленной и встретил жутко древнего старика, одетого в слепяще-белые одежды, стоящего под белым пляжным зонтиком (защищавшим его от кислотного дождя). Старик держал в одной руке коктейль, а в другой – что-то еще; оракул заметил только коктейль.

– Выглядит мило! – сказал он (потому что всегда говорил только правду).

– Да, – улыбнулся старец в белом, рассматривая свой напиток с одобрением. Судя по всему, одобрение было заложено в его взгляд на очень глубоком уровне – так как всюду, куда бы ни пал его взгляд, оно неизменно присутствовало. Он предложил бокал оракулу. – Я всегда могу сделать еще один, – сказал он, посверкивая озорными бликами в колодцах глаз. – Заходи под мой зонт!

Коктейль оказался изумительным на вкус – даже кислотный дождь перестал оракулу казаться чем-то невыносимым, даром что разъел его новые модные ботинки. Невероятно, но мимо них пролетела похожая на голубя птица – ей явно приходилось несладко. Завидев зонт – возможно, единственное укрытие на целые мили вокруг, – птица снизилась. Она похлопала крыльями у старца перед носом, постучала клювом по бокалу, а потом уселась пожилому мудрецу на голову.

– О боже, – вздохнул мудрый старец в белых одеждах. – Совершенство гармонии не может длиться вечно, не так ли? – Он усмехнулся, и оракул засмеялся – отчасти потому что ему понравилось это «не так ли?», как бы передающее

часть мудрости и ему (он очень любил, когда его считали умным), но главным образом из-за голубя у старца на макушке.

Стараясь не смотреть на голубя, оракул сосредоточил взгляд на другом предмете в руке старца в белом, назначение которого все еще оставалось туманным.

– Что это такое? – спросил оракул.

– То, что, боюсь, не смогу тебе отдать, – усмехнулся лукаво мудрец. – Видишь ли, я не смогу сделать еще один такой. Это Ключ Времени. Он блюдет баланс Вселенной.

– Разве такое возможно? – спросил оракул.

– Смелый вопрос, – заметил голубь с макушки старца.

Старец в белом поднял Ключ, поворачивая его так, чтобы грани ловили отражения далеких горящих городов.

– Я бы сказал, что да, – заявил он. – Сегодня особый день. Я установил во Вселенной идеальное равновесие. – Он подбросил Ключ в воздух, и тот исчез. – Не нарушь же его, – обратился старец ни к кому конкретно – и ко всем по отдельности, а потом ушел. Оракул вдруг обнаружил, что стоит один под пляжным зонтиком и держит пустой бокал.

Вот вам одна из версий возникновения всеобщего мира. Конечно, всегда оставались галактические рационалисты, не любившие всяких загадочных старцев в белых одеждах с магическими артефактами – так вот они утверждали, что жестокость и хитрость отдельно взятых рас, покинув все разумные пределы, сыграла с теми дурную шутку и положила им же конец; вот и осталось всем более-менее миролюбивым

расам, чьей совокупной огневой мощи не хватило бы на то, чтобы запалить свечу, смотреть на небо, пожевывать травинку, возделывать сады, и развивать искусство.

Иначе говоря, галактические рационалисты утверждали, что всеобщий мир пришел естественным путем. Содружества планет стали чем-то вроде связанных шестеренок часов – одни соседи были нужны другим, кто-то кому-то симпатизировал, вот вам и гармония, вот вам и баланс. Иногда кто-нибудь отдельно взятый становился неприлично богатым, но в игру вступали его дети – и развеивали все богатство по ветру, что тоже уравнивало ситуацию.

Кроме того, стоит заметить, Вселенная была самодовольной штукой во всем, что касалось всеобщего мира. Никто не догадался повесить табличку с надписью «Вот уж 192 дня прошли, как мы не воюем» – нет, снизошла другая, не менее просветленная мысль.

Как часто бывает, когда кто-то счастлив, он делает из собственного счастья символ – дабы всем встречным и поперечным показать, что все у него в дичайшем ажуре. И символ появился-таки – его назвали Великой Калиткой, и он символизировал процветание мира, как бы показывал, как все в эти дни славно ладят. Состоял он из трех вертикальных палок, меж коих балансировали две горизонтальные, покорооче – ну очень символично.

Одна из вертикалей была стальной и символизировала си-

лу и мощь; вторая сделана была из перспекса¹², демонстрируя достижения науки и разума; ну а третья, деревянная, напоминала о силах природы. Две короткие поперечные палочки служили как бы залогом процветания мира и отлиты были из золота и серебра. Само собой, символ вскорости был растиражирован – его можно было приобрести повсюду, в многообразии исполнений и размеров. Можно было поставить Калитку на каминную полку, повесить на шею, сделать татуировку в виде калитки, можно даже было заказать дом в виде Калитки – при наличии средств и желании большую часть жизни провести в лифтах.

Таким образом, Галактика мирно процветала – особенно для изготовителей Калиток, повсеместно желаемых и популярных. Вот почему, когда войска Криккита смели Калитку, атаковав из-под крошечного, удаленного скопления космического мусора, вся Галактика содрогнулась – как человек, которого ограбили в чистом поле.

Уничтожение Калитки не было целенаправленной атакой на символ – она просто-напросто была первой вещью, которую радары боевого флота отметили как препятствие.

Калитка была одним из чудес Вселенной. Она выглядела, что ни говори, красиво, и все восхищались ею. Говорили, что, несмотря на присущую ей хрупкость, она является чем-то непреложным, надежным и долговечным. Увы, флот криккитцев опроверг все эти высказывания, смахнув ее со

¹² Синоним пластика.

своего пути к звездам.

Ровно за десять секунд до того, как это произошло, Доктор, Романа и К-9 вышли из матричной двери и очутились на ближайшем к Калитке астероиде, где собирались со всей Галактики празддно-любопытные туристы. Их было так много, что набралось на целых две очереди. Они зачарованно тарасились на Калитку, возвышавшуюся над их головами.

– Символ всеобщего мира, – печально сказала Романа.

– Пока все тихо, – заметил Доктор, хоть она и надеялась, что он этого не скажет.

Тут же грянул боевой флот криккитцев. В считанные секунды они разбомбили всю Калитку до основания, испепелили разлетающиеся обломки, уничтожили сначала VIP-очередь на посещение достопримечательности, затем обычную очередь, затем сувенирный магазин и, наконец, туристическую парковку. На все про все ушли считанные секунды. Те из туристов, кого не разнесло на атомы дождем гранат, были расстреляны, распилены и разобраны на кубики. Криккитцы действовали методично, уничтожая все, что попадалось им на пути.

Затем последовала тысячелетняя ужасающая бойня, на которой задерживаться нет смысла: если уделять ей все то внимание, коего эта воистину масштабная прополка всех и вся заслуживает, никакой книги не хватит. Для особо любопытных есть труды профессора П. Л. Зума «Криккит: Ужасная Бойня», «Масштабная Прополка Всех и Вся (с цветны-

ми иллюстрациями)» Радикала Бахельфивера, тома с седьмого по девятый, «Удар с Криккита: печальная статистика» Яга Бесса или чуть более поздний «Подсчет жертв, или Почему Криккит Все Еще Важен После Всех Этих Лет» Бодри-ма Холзенкидрума. Самая серьезная и содержательная работа, насчитывающая сотни тысяч томов, посвященных криккитским войнам – это, конечно же, монография профессора Сани, озаглавленная просто, но броско – «Почему, почему, ПОЧЕМУ?».

Бойня была немедленной, необъятной и неопикуемой. Романа невольно вздрогнула, и даже Доктор закрыл глаза от ужаса, который показала им матрица. Восторженный гомон криккитцев делал все только хуже. Далеки убивали, смеясь. Киберлюди убивали молча. Криккитцы убивали, аплодируя друг другу. Цивилизации, не умевшие сражаться, исчезли. Остальные поклялись никогда больше не повторять ошибок исчезнувших. Они собрали всю мужественность, что у них была, и попытались дать отпор.

А криккитцы триумфальным ходом продвигались все дальше и дальше. Матрица перемещала Доктора и Роману с одной планеты на другую, и везде их глазам представляли дым, крики и опустошение.

Небесный сопроводительный текст сообщал:

Обозримая Вселенная была ввергнута в военный хаос.

Затем матрица явила им еще несколько горящих планет –

просто для утверждения сего и так неоспоримого высказывания. Пибо, мир холодных ветров, грустно поблескивал разбитыми хрустальными башнями. Властин, планету Стальных Городов, сплошь залила лава – оставшаяся на поминание о пресловутых городах. На Копек-Варе их встретил вид никем не оплаканной Интергалактической Налоговой Полиции – сожженной до последней штрафной квитанции.

А крикитцы все наступали и наступали. Менялись виды, пейзажи, времена – все как один отмеченные запустением и разрушением. Вселенная забыла, каково это – стоять за себя, и это вышло ей боком.

Романа явно погрустнела.

– Это было первое великое испытание для Галлифрея, я права?

Доктор кивнул. Сопроводительный текст в небе сменился, соглашаясь:

Крикитцы стали первым великим испытанием для Галлифрея.

Примерно в те времена Галлифрей принял свою строгую политику невмешательства. Во многих отношениях то был признак растущей зрелости – мастерски освоив операции с темпоральными потоками, галлифрейцы поняли, что, может быть, не так уж и хороши во всем этом. Поэтому они поклялись держать себя в руках и не выкидывать коленца.

Долгое время у них получалось. Особых усилий не требовалось – не было войн, куда можно было бы встрять, и да-

же противостояние обнаглевшим налоговым ведомствам не вызывало в сердцах Повелителей Времени отклика и не казалось делом интересным.

Когда криккиты задались целью истребить всех и вся, Повелители Времени вначале старались ни на что не обращать внимания. Их частенько – уже не первый век подряд, – спрашивали: кто виноват и что делать? И если первые несколько сотен лет удавалось как-то отделаться, сказав «Ну, мы это уже обсуждали...», то по мере того, как шли годы, как число погибших росло и звук взрывающихся планет звучал все громче, становилось все яснее, что нудно что-то предпринять. Переломный момент настал, когда кто-то заметил, что игнорировать всю остальную Вселенную, безусловно, очень умно, вот только когда ее не станет, этой самой остальной Вселенной, получится, что галлифрейцы не смогут более утверждать, что кого-то игнорируют. Сводчатые залы Паноптикума шумели несколько дней – а потом совет Повелителей Времени нехотя признал, что заявление, как ни крути, правдиво.

Галлифрейцы послали эмиссара на встречу с оставшимися видами с сообщением: да, они готовы помочь – единственный раз, если все согласятся после не припоминать им это.

Вот как это передал сопроводительный текст:

После тысяч лет бесконечной войны галактические силы, понеся существенные первоначальные потери,

сплотились против армады криккитцев.

Слова иллюстрировал образ могучей армии роботов-убийц, вышагивающей маршем по поверхности очередной несчастной планеты, посреди смерти и упадка. Впереди лежал очередной город, кишасий жизнью – и подлежащий уничтожению. Пока Доктор и Романа смотрели, самая первая линия солдат вошла в город – и взорвалась: на нее обрушилась мощь огневой завесы союзников. *Не входите*, как бы говорила завеса. За первой линией криккитцев последовала вторая – и тоже взорвалась. Та же участь постигла и третью, и четвертую, и пятую.

На шестнадцатой потерянной линии лидер семнадцатой, что-то смекнув, сунул руку за завесу – и стал бесстрастно наблюдать за тем, как она сгорает. Когда конечность робота догорела до локтя, он вытащил остаток и остановился, попутно остановив и всю единую армаду.

– По-моему, они всюду суют эту технологию, – заметил Доктор. Древние таймлорды создали непроницаемый барьер, пролегли между союзниками и криккитцами – почти тот же, с малыми поправками, принцип был положен в основу изоляции Галлифрея от всей остальной Вселенной.

– Впечатляет. – Романа, посплюнув большой палец, потрогала изображение завесы. – Хотя, говоря «Вселенная», ты подразумеваешь всего лишь космос и ближайшие звездные системы. То есть, мажешь все одной краской с широкой руки.

– Разве? – Доктор пожал плечами. – Это ведь, считай, одно и то же.

– Утверждение неверное, – встрял К-9.

– В любом случае, – Доктор зашагал по полю боя, – они каким-то образом растянули барьер, отеснив крикитцев обратно на планету их создателей. Сказочке конец. – Махнув на прощание рукой стройным шеренгам роботов, он отправился на поиски матричной двери. Остановился перед ней и кисло взглянул на официальный сопроводительный текст, висящий в огненно-красной выси.

В итоге силы объединенной Галактики все же победили, пусть и ценой великих потерь. Но назрела ужасная дилемма: что же делать с самими крикитами – теми, кто создал крикитцев? Они ведь всего-навсего угодили в жестокую ловушку бытия.

Решение, когда оно было наконец найдено, некоторым показалось крайне уместным и гуманным, а кому-то – по крайней мере, Романе, – донельзя глупым и варварским. С чем никто не мог смириться – так это с источником этого самого решения.

Глава 8

Все ради мира во всем мире

– Мы не можем торчать в этом кинотеатре весь день, особенно когда Вселенная – в опасности, – сказал Доктор, покидая матрицу.

– Вы узнали то, за чем пришли? – требовательно спросил Боруса.

– Ни черта подобного. Матрица привыкла держать свои картишки ближе к орденам. – Доктор победно улыбнулся. – Ну, что я говорил? Официальная история всегда – самый ненадежный и вымученный источник. Знание надо добыть из первых рук.

– Ты что, хочешь вернуться во времена войны с криккитцами? – Боруса уставился на него, как на сумасшедшего. – Ты хоть понимаешь, как это опасно?

– Понимаю, но и ты не забывай о моей крутой везучести. – Улыбка Доктора стала шире. – Да, и кстати... если будешь выходить, Боруса, пригнись. Об эту притолоку можно и голову расшибить.

* * *

– Итак, самый конец войны с криккитцами, – Доктор кол-

довал над приборной доской ТАРДИС. – Официальная история предпочла не рассказывать нам о том, как именно все решилось.

– Так со всеми мифами, – пожала плечами Романа. – Есть враг, есть кучка довольных жизнью остолопов. На них нападают, они объединяются и побеждают, конец. Все прочее неважно. Разве я не права, К-9?

Пес кивнул.

– Ну, теперь-то мы знаем, что криккитцы – никакой не миф. – Доктор поднял палец в воздух. – Так почему же матрица не хочет выдавать нам всю правду?

– Хороший вопрос, – согласилась Романа.

ТАРДИС с глухим стуком приземлилась – где-то и когда-то. Доктор прошествовал к дверям.

– Тебе может прийтись не по душе то, что ждет нас снаружи, – предупредил он. – У них это непотребство зовется «дипломатией».

Большой Зал Бесконечных Дебатов шумел на все лады. Теперь, когда опасность для всех и вся миновала, те немногие, что уцелели после глобальной криккитской зачистки, собрались в самом просторном из сохранившихся конференц-залов (да и тот уж лишился крыши и кое-где обгорел) решать, как поступить с источником всех пережитых ими бед. Повелители Времени присутствовали вроде бы как на правах сторонних гостей, но то и дело их нет-нет да и вовлекали во всеобщее действо. Хоть протокол мирных перегово-

ров и был согласован, в зале все равно голосили и шумели – в основном, в сторону пятерых представителей Криккита, сидевших в маленькой камере с силовыми барьерами и на всю эту душную массу инообразной жизни взиравших с неприемлимой ненавистью.

Слово держал Вельспур с Каррика, лишившегося трех континентов, луны и доброй части помпезности:

– Перед нами стоит, так сказать, великая дилемма: непоколебимая милитаристская ксенофобия криккитов не дает нам возможности достичь любой формы *modus vivendi*¹³ и мирного урегулирования всех конфликтов, что привело бы к гармоничному с криккитами сосуществованию...

Зал практически единодушно взревел:

– Истребить их! Истребить всех!

Один из присутствовавших Повелителей Времени воздел очи горе и принялся что-то записывать на свиток.

Вельспур с Каррика повернулся к плененным криккитам.

– Я, так сказать, правильно изложил вашу позицию, джентльмены?

Один из пленников перевел взгляд на него и разразился оглушительным криком.

Смутившись, Вельспур заговорил, пробуя побороть этот шум:

– Криккиты, похоже, верят, что их смысл жизни и, так сказать, единственная цель – уничтожение всех отличных от

¹³ Временное соглашение (*лат.*)

них форм жизни, то есть, нас с вами.

Делегаты яростно заголосили. Криккиты ответствовали в тон им.

Романа поморщилась и заткнула уши пальцами.

– Громковата эта ваша дипломатия, – пробормотала она.

Вельспур изогнул величественное щупальце в картинном жесте.

– Однако прошу принять во внимание также и то, что криккиты не являются по своей природе, так сказать, злыми. Они просто... ошибаются? Заблуждаются? Ощущают угрозу на фундаментальном психическом уровне со стороны иных жизненных форм? Существа, во всем, что не касается нашего с вами истребления, мягкие, пассивные и совершенно спокойные, – все эти прилагательные плохо сочетались с бушующей толпой, – в силу ряда трагических причин, они совершенно неспособны выносить всю остальную Вселенную по факту, так сказать, ее существования. Уверяю вас, они – жертвы, – высказывание сразу же восприняли в штыки, кто-то даже замахнулся на Вельспура чашкой, – жертвы дурацкой превратности бытия. Поэтому нельзя решить проблему, просто уничтожив их всех.

К тому моменту Вельспур полностью утратил поддержку толпы – его освистывали со всех сторон. В конце концов он соскользнул с трибуны, прикрывая тушу верхними ганглиями в попытке защититься от стульев, которыми его молотили. На прощание он бросил в микрофон:

– Что же делать? Как с ними быть?

Когда он закончил, один из Повелителей Времени, обряженный в плащ, выскользнул из тени, решив пообщаться с наименее сердитыми делегатами – разумеется, неофициально и строго конфиденциально. Именно у галлифрейцев наметилось решение проблемы.

Доктор отхлебнул из стаканчика с чаем и поморщился. Худший сорт, как и всегда на подобных мероприятиях.

Романа оглядела переполненный визжащими и бормочущими делегатами зал. Ей на миг причудилось что-то необычное, но тут же она потрясла головой и выбросила образ из головы – бывает же, покажется. И все-таки... что это было?

Доктор ушел с головой в размышления.

– Ну и где здесь отличия от официальной истории? – вслух спросил он.

– Пока ничего из ряда вон, – откликнулась Романа.

Доктор кивнул.

– Именно. – Он указал на неприметный коридорчик. – Несколько делегатов ушли вон туда вместе с какими-то жутко подозрительными Повелителями Времени. Думаю, самое интересное будет происходить во-о-он там.

Романа проследовала к коридору и помедлила.

– Как-то он не вписывается в здешнюю архитектуру. Слишком уж длинный, добрых метров пять...

– Ничего удивительного, – кивнул Доктор.

Коридор заканчивался дверью.

– А здесь и температура ниже, – заметила Романа. – Градусов так на десять.

– Потому что, – тон Доктора стал взволнованно-заинтересованным, – это не коридор, а межпространственный туннель. Пятью метрами ранее – совсем другой мир. – Его глаза указали на дверь – если глаза вообще могут на что-то указывать (а глаза Доктора, пожалуй что, могли).

– Какая интересная дверь, – улыбнувшись, подыграла ему Романа. – Так и просится, чтобы ее открыли.

– А я о чем? – Доктор подмигнул.

Романа подергала за ручку. Дверь была заперта.

Доктор нетерпеливо постучал.

– Сезам, откройся! – прикрикнул он.

Ничего не произошло.

– Хозяин, – напомнил о себе К-9, – позвольте-ка мне...

Не дожидаясь, в общем-то, дозволения, он взрезал дверь весело пляшущим зеленым лазерным лучом. Во все стороны от косяка посыпались искры.

– Преграда успешно устранена, – сообщил робот-пес и первым протолкнулся вперед.

– Хороший пес! – расплылся в довольном оскале Доктор и протянул Романа руку. – Мадам, позвольте?..

Они шагнули за порог вместе.

За их уходом наблюдала едва заметная в тени фигура. То был, без сомнения, один из печально известных криккитцев.

Сделка проходила тайком внутри ТАРДИС образца Первой Великой Войны.

Военные ТАРДИС были любопытными штуковинами. Почти все обычные ТАРДИС перенимают черты характера у своих пилотов. Машина Романы была бы, вне сомнений, быстрой, эффективной и экзотичной на вид, а машина Доктора так бы и осталась грубой и громоздкой телефонной будкой синего цвета. Когда-то у Лорда-Отступника Мастера была ТАРДИС с черными стенами, черной приборной доской, черными дверями, чернильным освещением и чернящим шкафом, где висели на черных вешалках черные плащи; с виду весьма впечатлительно, вот только в черном своем царстве Мастер вечно терял ключи – и долго возился, чтобы их найти-таки.

Военные ТАРДИС не были склонны к подобному баловству. Вместо подстраивания себя под пилотов, они подстраивали пилотов под себя. Впрочем, открылось это не сразу – поначалу же военные ТАРДИС были разработаны для сражений против мутировавших космических вампиров (и, чего не отнять, послужили хорошим подспорьем в победе над этой напастью из старых времен). Проблема заключалась в том, что военные ТАРДИС, задуманные как очень дорогая краткосрочная мера, по понятным причинам оснащались превосходными протоколами самосохранения. И именно из-за них они и начали влиять на своих владельцев.

Галлифрейские кардиналы-воины из спокойных ученых,

неохотно занимавшихся военными вопросами, быстро переродились в жестоких и кровожадных военных маньяков – и этим дело не ограничилось. Всякий кардинал-воин был убежден, что флот из дюжины военных ТАРДИС нуждается в поддержании состояния повышенной готовности – на тот случай, если где-то вдруг разразится битва. Казалось бы, подобные настроения вступали в противоречия с присущей галлифрейцам политикой строгого невмешательства, но всех, кто напоминал им об этом, кардиналы-воины со спокойной душой устраняли.

Доктор, Романа и К-9, пройдя через подозрительную дверь в конце коридора, попали именно в такую военизированную машину. Стены пульсировали разъяренным малиновым светом, кардиналы-воины, со временем ставшие простой обслугой, блуждали по отсекам, выряженные во все красное, их секретари по конфликтам – обслуга ступенью еще ниже, – суетливо носились взад-вперед, мельтеша синими мундирами. Пульт управления в самом главном отсеке являл из себя вещь предельно простую, с всего тремя рычагами, надписи под которыми лучше всего переводились как **ВПЕРЕД**, **СТОЯТЬ** и **ОГОНЬ**.

– Романа, – тихо произнес Доктор, – похоже, за фасадом той Мирной Конференции скрывалась совсем не мирная ТАРДИС!

Романа кивнула:

– И никаких записей об этом в матрице не сохранилось!

– Не нравится мне все это, – покачал головой Доктор. Допив свой чай, он осторожно поставил стаканчик на пол. Его внимание привлек Кардинал-Воин Мелия. Мелия являл собой весьма надменного типа, чей взгляд раздувал эту надменность до совсем уж жутких масштабов. Взгляд этот стремился взять под контроль любой биологический объект, на который падал.

– Хочу сообщить, что у нас имеется решение проблемы, обсуждаемой на конгрессе, – провозгласил Мелия. Огромные экраны за его спиной транслировали изображения планет, исчезающих в облаках какого-то зловещего дыма. – Повелители Времени Галлифрея уже нейтрализовали несколько планет, чей выявленный антагонистический потенциал грозил воспрепятствовать гармоничному развитию Вселенной. – Даже не оборачиваясь, он указал на экраны. – Виксес, Ёрла, Ужасная Симвология Мутаны, и, разумеется, Планета 5 были стерты с лица космоса. Мы предлагаем подвергнуть этой же процедуре Криккит. Армия роботов, вооружение и население должны быть возвращены на нее, после чего мы начнем нейтрализацию.

– То есть, вы их попросту уничтожите? – спросил кто-то из делегатов.

Кардинал Мелия издал короткий сухой смешок – явно много раз отрепетированный.

– Конечно же, нет. Уничтожать будет попросту нечего. Поверьте, процедура целиком бескровная, гуманная и одно-

моментная. Если желаете, некоторых из вас мы можем там, на Крикките, и разместить – в качестве беспристрастных наблюдателей. Просто сделайте шаг вперед – и мы начнем приготовления уже сейчас. – Кардинал Мелия улыбнулся как-то странно, и делегаты дружно отступили на шагок назад.

– А план Б у вас точно есть? – последовал вопрос.

Романа огляделась, ища того, кто это произнес.

– План Б должен быть всегда, – настоял голос. Неужто то был кто-то из Кардиналов?

– О да, – подхватили мысль делегаты. Дипломаты до мозга костей, они не могли не симпатизировать самой идее плана Б – особенно если тот подразумевал компромисс, что мог быть объявлен на пресс-конференции триумфом дипломатической мысли.

Кардинал-Воин Мелия волчком крутанулся вокруг оси, разыскивая того, кто посмел бросить ему вызов. Когда он повернулся обратно к делегатам, его странная, обильная на зубы улыбка превратилась в непристойный жестокий оскал.

– Альтернатива есть. Вам она может показаться даже более суровой.

– Ну да, как будто это звучит не подозрительно, – пробормотал Доктор.

Романа не ответила. Ее внимание привлекла ручка, которую кто-то оставил на столе в коридоре. Стержень ручки был подозрительно острым, будто умолял о том, чтобы им в кого-нибудь ткнули. Она потянулась было к ней, но Доктор

поймал ее за руку:

– Нам пора уходить. Эти военные ТАРДИС имеют дурную привычку зомбировать всех, кто в них находится. Не успеешь и глазом моргнуть, как станешь собирать личную армию.

* * *

Вскоре после того, как Кардинал-Воин Мелия тихой тенью проскользнул обратно в Большой Зал Бесконечных Дебатов, началась презентация окончательного вердикта.

Трибуну занял некий Президент чего-нибудь и стал зачитывать монотонно:

– Наше решение заключается в перманентном помещении планеты Криккит в своего рода фазу «медленного времени». За пределами темпорального контейнера, где будет эта планета пребывать, время будет течь в обычном порядке, тогда как внутри него скорость его хода будет значительнейшим образом снижена по отношению ко всей Вселенной. Все грани контейнера свободно пропускают свет, так что планета будет незримой и, в итоге, недостижимой для внешней Вселенной. Побег из контейнера невозможен – разблокирован он может быть только воздействием снаружи.

Президент откашлялся.

– Исследования в области энтропии показывают, что в непредставимо далеком по отношению к нам будущем экс-

плуатационный срок Вселенной, если можно так назвать то, что в данном случае подразумевается, подойдет к концу. Неизвестный отрезок времени пройдет, прежде чем вся материя прекратит свое существование. К тому моменту планета Криккит вместе с солнцем, вокруг которого она вращается, выйдет из фазы медленного времени и насладится благословенным одиноким существованием в сумеречный час мира.

Некоторое время присутствующие молчали, переваривая услышанное, а потом – все как один зааплодировали. Для тех, кто настаивал на гуманном исходе, решение выглядело донельзя умным. Тем, кто хотел, чтобы Криккит попросту исчез, тоже было придраться решительно не к чему. Все прочие, мятущиеся и не определившиеся до конца, тоже сочли, что подобный подход – элегантен и единственно верен. Все запросы были удовлетворены.

Даже сами криккиты в своей загражденной силовыми полями клетушке выглядели довольными. Им предоставили шанс обрести такую Вселенную, какую они всегда хотели.

Романа с сомнением оглянулась на Доктора. Тот надвинул шляпу на глаза, сделав прямой зрительный контакт с собой делом затруднительным.

– Ты чем-то недоволен, верно? – уточнила она. – Решение тебе не понравилось.

– Конечно, – буркнул он, зарывшись подбородком в шарф, из-за чего голос его стал звучать глухо и неразборчиво. –

Мне никогда не нравились настолько правильные исходы. Так и подмывает спросить: «Что же тут может пойти не так?»

– И что-то тут *пойдет* не так, верно?

– Клянусь своим цветастым шарфом.

На глазах у Романы делегаты, воодушевленно переговариваясь, покидали один за другим Большой Зал. Они поздравляли друг друга с успешным завершением переговоров и планировали дальнейшие собрания, где несомненную удачность сегодняшнего решения можно было бы обсудить тщательнейшим образом еще разок.

– Что-то я больше не вижу галлифрейцев.

– Ничего удивительного. – Под полями шляпы Доктора расцвела хмурая ухмылка. – Им только что поручили упаковать целую планету вместе с солнцем в непроницаемый пакет. Когда еще выпадет такой шанс – наверняка уже мчатся туда на всех парах. Но что у них на уме, зачем проталкивать именно такое решение? Они что, хотят что-то припрятать на Крикките?

Романа задумалась.

– Можно отыскать этого Кардинала, Мелию, и спросить прямо.

– Можно, – согласился Доктор, – но есть один нюанс. Вскоре после конференции он исчез из всех слоев времени и пространства вместе со своей военной ТАРДИС. Исчез так, будто никогда его и не было.

Тут в их разговор вмешался К-9:

– С дальнего конца зала к нам стремительно приближается объект.

Романа огляделась.

Уверенной походкой навстречу им вышагивал криккитец.

Глава 9

Погоня на грани мыслимого

Криккитец стремительно приближался, минуя делегатов, коим почему-то было явно до лампочки, что по залу вышагивает смертельно опасный робот. В темных недрах шлема вспыхнул злобный алый огонек.

– Доктор?

– А? – Доктор, как обычно, в самый неподходящий момент витал в облаках.

– Бежим!!!

...Убегать от всевозможных монстров – сущее искусство, и Романа не спорила с тем, что Доктор порой в нем был весьма хорош (как и во множестве других вещей, за которые брался, не считая рыбалки). Впрочем, что еще ожидать от джентльмена, управляющего машиной времени, попирающего законы гравитации и всегда проверяющего, каков срок годности на крышечке йогурта, прежде чем этот самый йогурт съесть?

Сегодня, впрочем, Доктор был явно не в форме. Оказавшись пред лицом идеальной машины для убийства, которой, вдобавок, его стращали в детстве, он побежал прочь безо всякой грации, спотыкаясь и крича благим матом.

– Что за чертовщина? – прокричала несущаяся следом Романа, когда они проскочили под балконом, срезанным раз-

рушительным залпом из биты. – Я думала, всех крикkitцев деактивировали!

– Явно не всех! – вскрикнул Доктор, прячась за трибуну. – Есть такая поговорка – «индюк думал и в суп попал», только сейчас за того индюка сойдем мы!

– Почему на него никто больше не обращает внимания?

– Думаю, какая-то нейроизоляция! – предположил Доктор. – Странно то, что его мы волнуем, а не делегаты! А я-то считал, что всякое внимание – приятно...

Они обогнули колонну и поднялись по извилистому пандусу. К-9 старался от них не отставать.

– К-9! – в отчаянии воскликнул Доктор. – Не мог бы ты подстрелить этого дурацкого робота?

– Ответ отрицательный, хозяин. – В голосе пса читалась неподдельная печаль. – Я не обладаю достаточной огневой мощью для уничтожения данного объекта.

– Даже с краев обкорнать не получится? – Доктор прикрыл руками голову: прямо над ним разлетелось от прямого попадания витражное окно.

– Интересно, что мы будем делать, когда от этих стен ничего не останется? – Они нашли новое временное укрытие и прыгнули за него; Романа понимала, что и это – долго не простоит. – Надеюсь, крыша рухнет прямо на робота!

– Не самый худший наш план, не правда ли? – Доктор уклонился от свистнувшего над ухом куска штукатурки.

– Ответ отрицательный! – пролязгал взволнованно К-9.

Лавируя среди сидений, они добежали до узкого жестяного карниза высоко над залом заседаний. Внизу, нисколько не озабоченные взрывами и разрушениями, все еще толпились несколько тысяч делегатов. К-9 скользнул на карниз, просканировал его структуру, не нашел фатальных изъянов – и пошел вперед.

– Не ждите меня! – прокричал Доктор, боязливо глядя вниз.

– Ты что, высоты боишься? Да брось! – Романа проворно запрыгнула на карниз.

– Нет, что ты! Это было бы смешно. Я просто боюсь вернуться отсюда! – Доктор ступил на узкую дорожку, не чувствуя себя в безопасности ни на йоту. В этом и крылась проблема с этими новыми сплавами – слишком легкие, чтобы им доверять, будто ходишь по картону. Нет, нужно было что-то весомое. Старый-добрый чугун. Доктор внимательно разглядывал маленький штамп производителя карнизов – это было куда интереснее, чем созерцать пол, оставшийся чертовски далеко внизу. Чеканка сообщала: «Мощнулон – Ваш легкий, ковкий и электропроводящий друг». Чего-то подобного Доктор и опасался. Сталь казалась не толще барабанной мембраны.

– Доктор, скорее к нам! – крикнула Романа. Она с К-9 каким-то чудом добралась до дальнего конца.

– Что-то не нравится мне этот новодел! – крикнул Доктор, немного продвигаясь по карнизу вперед и ненавидя себя за

этот шатающийся из стороны в сторону шаг. – Поверь, Романа, нет смысла торопить события!

– Есть, да еще какой! – крикнула она в ответ.

– Враг в 30,3 метрах от вас, хозяин! – бодро отчитался К-9.

Романа прищурилась:

– Я бы сказала, там все 30,4 будут!

– Не суть! – крикнул Доктор, опасливо оглядываясь на крикитца, уже молниеносно сократившего означенное расстояние, ударив одной ногой с реактивным двигателем о другую и подлетев на реактивной тяге прямо к карнизу.

В прорези шлема робота-убийцы вспыхнул лукавый алый огонек.

– Кажется, я влип, – сообщил Доктор и застыл.

Криккитец топнул ногой по гибкой планке. Дрожь прошла по всему карнизу, ввергая Доктора в беспорядочное боязливое балансирование.

– Мощнулон, ты *слишком* легкий друг! – прокричал он, чувствуя подсознательно, что это еще не самая плохая часть. Вот только что именно было хуже, он не сразу осознал, слишком отвлеченный попытками не упасть. – Ах да, черт возьми, ты ведь еще и прово...

Криккитец сорвал с руки белую перчатку, обнажив контакты и проводки. На самых кончиках его пальцев плясали электрические искорки. Он ткнул ими в карниз, посылая мощный разряд вдоль всей его поверхности.

Доктор придуманно-удивленно вскрикнул и рухнул, как подрубленный. Конец его шарфа задымился.

– Доктор, да что там у вас? – взволнованно вскрикнула Романа.

Он попытался придумать остроумный ответ, но челюсти свело сильной судорогой, и егохватило только на:

– Мммыххх...

Что ж, раз уж это слово – последнее, почему бы ему не звучать загадочно?

Ну нет, так просто меня не возьмешь. Обмотав концы шарфа вокруг рук, он со всех сил вцепился в вибрирующий карниз. Забросил сначала одну ногу вверх, потом – вторую. И, пока робот-убийца не успел послать второй разряд, быстро перебежал на другую сторону – прямо в объятия Романы.

Криккитец испустил зловещий скрежещущий визг.

Они нырнули в какое-то помещение, захлопнув за собой дверь. Оказалось, то была проекторская, откуда и демонстрировались визуальные материалы для конгресса.

И еще оказалось, что выхода из нее нет.

Кулак криккитца грохнул по двери.

– Итак, мы в запертой комнате, – провозгласил Доктор. – К-9, есть идеи?

– Хозяин...

– Может, сможешь пробить дыру в этой стене?

– Структурный анализ предполагает...

– Неважно. – Доктор вгрызся в кончик своего шарфа. Тот оказался поистине ужасен на вкус. Зато горечь помогла сконцентрироваться и худо-бедно отвлекла от ударов по металлической двери проекторской. И тут доктор просиял.

– У меня идея, – сообщил он, сверкая глазами.

– Неужели? – Романа улыбнулась.

...Дверь начала таять.

Перешагнув через лужицу расплавленного металла, криккитец протиснулся в тесную комнатку. Они застыли с испуганными лицами. Спутница Доктора таращила глаза и прикрывала руками рот, глаза Доктора и вовсе закатились куда-то под шляпу. Более того, край его шарфа почему-то обвивался вокруг шеи спутницы.

Криккитец усмехнулся своей красной полоской света. Мелкого робота у них в ногах он оставит напоследок. Пусть увидит, как несладко придется хозяевам.

Бита свистнула в воздухе. Мяч с готовностью полетел вперед. В последний миг рука робота дрогнула – но было уже поздно что-то менять.

Криккитец ошибся. Проектор был развернут к стене – и проецировал снимок Романы с Доктором и К-9; так как то был не какой-то там банальный земной проектор, а игрушка, придуманная очередной высокоразвитой цивилизацией, изображение вышло чертовски достоверным, почти что объемным.

Робот оглянулся в поисках жертв. Они стояли за дверью,

далеко на стальном карнизе из «Мощнулона» и с интересом смотрели на него.

Мяч, отскочив от стены, упал роботу под ноги и оглушительно сдетонировал – тот даже не успел громко и угрожающе крикнуть напоследок.

По карнизу прошла дрожь, но они все-таки удержались. Доктор проводил взглядом рушащиеся вниз обломки проекторской будки.

– Нам лучше уйти поскорее, – подвел он черту. – Не думаю, что подрыв конгресса о мире во всем мире добавит мне народной любви.

Они спустились вниз. Оторвавшаяся от тела голова-шлем криккитца все еще слабо посверкивала алым. Доктор подобрал ее и, держа в отставленной руке, требовательно спросил:

– Бедный робот! Я не знал тебя, так что ответь: откуда и зачем ты взялся?

Тускневшее багряное свечение на миг усилилось.

– Чтобы... донести... сообщение, – лязгнула голова.

– Вот как! И какое же? – Доктора, похоже, всерьез заинтриговали ее слова.

– У калитки... три... опоры. Три... бога... хотят видеть тебя, – похоже, погибающий криккитец и сам удивился таким словам: голос машины обрел пораженные нотки. – Три... бога-держателя... всей Вселенной.

– Что, прости?!

– Три бога, – повторил криккитец, и свечение в шлеме погасло.

Доктор бросил голову на пол и, несколько озадаченный, побрел вместе с Романой и К-9 к спрятанной ТАРДИС.

На мгновение в разбомбленном конференц-зале воцарилась тишина. А потом шлем робота еще зацвыркал и загорелся снова. Робот, хоть и оставалось ему немного, все еще был активен – и у него было одно, последнее дело.

Полоска красного света сложилась в зловещую улыбку. Она-то и светила какое-то время – до тех пор, пока остаточный заряд окончательно не угас.

Глава 10

Падение калитки

ТАРДИС преодолела небольшой отрезок времени и солидный – пространства.

– Сейчас мы так близко к Криккиту, как только возможно, – сообщил Доктор, выходя на поверхность безымянного планетоида. Он потоптался на месте. – Так, сейчас мне стоит подумать...

Романа не удержалась и захихикала.

– Да ладно тебе, я взаправду думаю! О множестве важных вещей!

– Я не сомневаюсь, доктор, – сказала она и прикрыла рот ладошкой.

– Вот прямо в этот момент я думаю, откуда тот криккитец взялся.

– Да, и раз уж он хотел передать сообщение, зачем пытался нас убить?

– Может, просто сбить с толку? – задумался Доктор. – Не переношу отвлекающие маневры, в ходе которых можно погибнуть.

– Значит, автору книги «Смертельно опасные отвлекающие маневры» ты не станешь на Рождество открытку слать?

– Что ты такое говоришь, нет у меня времени на какие-то

рождественские открытки!¹⁴

Романа забралась на ближайший пригорок и указала на темную полосу в небе – что-то вроде размытого космического чернильного пятна:

– Сдается мне, вот оно, то облако мусора, что отрезало Криккит от жизни.

К-9 не преминул согласиться. Он выдал огромный список фактов о природе облака, и если бы его слушали повнимательнее, удалось бы избежать в будущем многих проблем. Вместо этого Романа с Доктором воодушевленно делились впечатлениями от зрелища:

– Похоже на старый черный бархатный занавес посреди бесконечности.

– Господи, как театрально звучит. Не говори больше так!

Планетоид – искусственный и вращающийся по столь же искусственной орбите, – задевал край злополучного облака. Сразу за ним начинался космос – глубокий, пустой и ничем не прореженный. И все же что-то в этом космосе было. Присутствие чего-то прямо-таки кожей чувствовалось.

– Готов поспорить на шарф, этот пространственно-временной конверт, куда засунули Криккит, прямо перед нами. Планетоид отмечает его край.

– Утверждение верное, – подтвердил его слова К-9.

¹⁴ Доктор прибедняется, когда дело доходит до поздравительных открыток, он действует едва ли не с промышленным размахом. Наполеон Бонапарт получил от него 75 штук, а Артур Веллингтон – столько, что из них можно было склеить пресс-папье. – *Прим. авт.*

– И что, если кто-то наведается в эту часть космоса, он в него тоже угодит? – задала вопрос Романа.

– Нет, он устроен иначе. Когда что-то достигает его границ, он телепортирует это на другой свой край. Обычно никто ничего не чувствует – процесс занимает долю секунды. Вот, смотри. – Доктор извлек из кармана мелкую монетку, взобрался на пик, с которого они с Романой следили за космическим облаком, и, тщательно прицелившись, метнул в какую-то одну ему видимую точку. Монетка поразила незримую цель в воздухе... и тут же исчезла.

– Эх, это был мой талисман на удачу. – Доктор почесал в затылке.

Пройдя еще немного по планетоиду, они набрали на большую крикетную калитку. Пережившее крикитскую зачистку содружество решило вновь восстановить ее. Только теперь это был не символ мира во всем мире, а ключ к замку, запечатывающему конверт замедленного времени.

– Насколько мне известно, – рассудил Доктор, – никто в здравом уме не станет ключ вот так вот на виду оставлять. Выглядит, не спорю, здорово, но прямо-таки напрашивается на неприятности. Да еще и вон там, – он указал на рассчитанные на работы при нулевой гравитации строительные краны, маячившие вдаль, – кто-то уже строит отель, ну только взгляните.

У Доктора всегда было какое-то необъяснимое предубеждение к отелям.

Романа окинула взглядом воссозданную калитку. Три длинные стойки – из дерева, стали и перспекса. Две перекладины-бейла¹⁵ – золотая и серебряная.

– Если я прав, – сказал Доктор, – то в любой момент эту штуку попытаются разбить. В итоге ее части рассеются в пространстве и времени – и всплывут в самых неожиданных местах.

Романа наморщила нос.

– Так тот кубок и пепел, из-за которого мы попали на Лордс-Крикет-Граунд...

– Кубок содержит пепел деревянной стойки этой калитки, – кивнул Доктор. – Всего лишь пепел – дерево, увы, можно сжечь, – но технологии криккитов достаточно развиты, чтобы воссоздать элемент заново, в первоизданной целостности и с первично заложенными в него свойствами.

Буквально из ниоткуда на них вылетел космический корабль.

Не думая, Доктор, вскрикнув, сгреб Роману в охапку и отпрыгнул в сторону. Романа же, закрыв глаза, умножила в уме несколько шестизначных чисел, дабы не думать о самом худшем.

В ореоле пламени космический корабль пронесся мимо них и врезался в Калитку. В ней он и умудрился как-то за-

¹⁵ Бейлами, собственно, называются две незакрепленные перемычки на столбах калитки. Калитка по правилам игры в крикет считается разрушенной, когда хотя бы один из бейлов падает. Если матч проходит в ветреную погоду, судья может принять решение «играть без бейлов».

стрять – одновременно жалкий и зловещий на вид.

– Что ж, этого в официальной истории не было, – сказала Романа.

Доктор отмахнулся с улыбкой.

– Ныне мы вдали от исторических путей, идем по черному следу запретного знания.

– Не нравится мне, когда твои метафоры обрастают тщеславием. – Романа подошла к месту крушения поближе, осторожничая. – К-9, можешь опознать этот борт?

– Это разведывательный корабль криккитцев, – бодро прожужжал пес.

– Он выглядит точно так же, как тот, что был на Лордс-Крикет-Граунд. – У Доктора зародилось ужасное подозрение. – Должно быть, он улизнул от всеобщего внимания и затаился, избежав гибели. Здесь криккитцы попытались вызвать из заточения родной мир. Но что-то пошло не так, сработал некий защитный механизм... Да, я думаю, то, что случилось дальше, выставило обе стороны в неловком свете. Вот почему, сдаётся мне, этот исторический факт опустили.

Построение накренилось под неудобным углом, оторвалось от тверди планетоида – и стало распадаться. Пока автоматические краны вдалеке невозмутимо возводили отель, оно вдруг провалилось в развершийся темпоральный вихрь – и исчезло, не произведя шума.

Вместе с кораблем.

Такие вещи происходят, что и говорить, не каждый день.

Когда темпоральный вихрь разбросал пять рассоединившихся частей Калитки и покусившийся на нее корабль по неизвестным временам и мирам, ответы на вопросы, почему пепел деревянной опоры покоился во врученном на Лордс-Крикет-Граунд кубке, и с какой целью там же нарисовался корабль крикитцев, вырисовались чуть яснее.

– Так и знал, – вздохнул Доктор. – Теперь нужно узнать, куда попали куски Калитки – и заполучить их раньше крикитцев. Что ж, у нас новая миссия.

Глава 11

Частная жизнь самого занятого типа во Вселенной

Дым стелился над землей, дрейфовал в свете заходящего солнца, разверстой раной алевшего на небе в западной стороне.

После битвы наступила звенящая тишина, и затихающие крики уже не реяли поверх усыпанного обломками и останками поля брани.

Ошеломленные ужасом, призрачные фигуры покинули укрытие леса, а потом, плача и спотыкаясь, побежали вперед. То были женщины, ищущие мужей, братьев, отцов, даже просто любимых – сперва среди умирающих, потом среди мертвых.

Там, далеко-далеко, за завесой дыма, тысячи всадников возвращались в свой лагерь. Крича, грохоча и перебраниваясь, они спешили и сразу же принялись за дешевое вино и прогорклый козий жир.

Весь в крови и пыли, уставший Великий Хан спрыгнул на землю перед шатром из дорогой ткани. Сражение оторвало его от трапезы, и ему не терпелось вернуться к оной.

– А что это была за битва? – спросил он своего визиря, скакавшего бок о бок. Визирь Бастрабон был молод и често-

любив, его живейшим образом интересовали злодеяства и их свершение. Он надеялся улучшить свой пангалактический рекорд по количеству крестьян, одновременно насаженных на копье с одного удара, и в эту ночь ему перепал прекрасный шанс попрактиковаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.